

0-56

I 615966

АНАТОЛИИ
ОЛЬХОН

БИБЛИОТЕКА
СИБИРСКОЙ
ПОЭЗИИ ■

ЗАПАДНО ♦ СИБИРСКОЕ

АНАТОЛИИ ОЛЬХОН

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1967

Составитель
А. СРЫВЦЕВ

Редколлегия:

*И. М. ВЕТЛУГИН, К. Л. ЛИСОВСКИЙ,
Л. В. РЕШЕТНИКОВ, А. И. СМЕРДОВ,
Е. К. СТЮАРТ*

ПЕВЕЦ РОДИМОЙ СТОРОНЫ

1

Он нежно, по-сыновьи любил Сибирь, прикипел к ней сердцем. Северянин, с Вологды, он и до приезда в Сибирь хорошо знал Крайний Север, бывал на побережье Белого и Баренцова морей, бороздил просторы Ледовитого океана, не раз пересекал стылую тундру.

«Тундра» — так и назывался сборник его стихов, вышедший в Москве в 1928 году. И когда два года спустя он попал в Сибирь, ему не пришлось творчески перестраиваться, искать темы, вживаться в сибирское бытие.

Однажды я спросил его, почему он взял себе псевдоним «Ольхон», тем самым как бы начисто зачеркнув поэта Пестюхина.

— Видишь ли, поначалу мне в Иркутске жилось, скажем мягко, трудновато: и безденежно и, как говорится, бесхлебно. Встретили меня здесь нельзя сказать, чтобы ласково. Мужик я, ты знаешь, в литературных делах резковатый — и нагрубить могу, и говорю, не стесняясь, что думаю... Передай-ка мне табак. Спасибо...

Вкусно затягиваясь голубоватым дымком, он продолжал:

— Короче говоря, разругались мы тут кое с кем насмерть... Так вот, удрал я как-то от неустройства своего и тоски на Байкал. Приплыл на остров Ольхон. Штормило... Послушай, чего я тебе так рассказываю — лучше я стихи почитаю, и ты сразу все поймешь.

Пушечный, сдавленный гром,
Наковален тягучий звон:
Это байкальский шторм
Рвется на остров Ольхон.

Он читал вполголоса, но и приглушенному басу его было тесно в узкой комнатенке.

Удар! Удар! Сильней!
Рушится пеной прибой.
Камень воды верней —
Он принимает бой.

Так бы и мне стоять —
Грудью ветрам в упор.
Темные волны мять,
Славить седой простор.

Твердость у камня взял,
Остров Ольхон, с тобой
Бурям преградой встав,
Я принимаю бой.

Могучий голос замер, растянув раздельно слова последней строки.
— Вот с той поры я — Ольхон, понял? А стихи эти, между прочим, написаны еще в тридцать первом и до сих пор не напечатаны.

— Напечатают.

— Да, теперь — да!

С этого памятного разговора прошло без малого тридцать лет. В том тридцать восьмом году вышла его первая книга на сибирской земле — «Большая Ангара». Так для читателей появился новый поэт — Анатолий Ольхон. И мало кто знал, что, как поэт, родился он дважды — впервые в 1924 году в Вологде, на страницах комсомольской газеты, и второй раз здесь, в Иркутске, четырнадцать лет спустя. С рождением Анатолия Ольхона навсегда исчез из литературы стихотворец Анатолий Пестюхин, автор четырех книг, изданных в Вологде и Москве, активный деятель сперва вологодского, затем московского «Перевала», сотрудничавший в «Новом мире», «Красной нови», «Огоньке», в «30 днях», «Прожекторе», «Красной ниве», «Смене», «Журнале для всех» и многих иных столичных изданиях...

И это была не простая перемена фамилий. Долгий десятилетний путь творческих поисков и жизненных невзгод пролегал между последним московским сборником «Тундра» и первой опубликованной в

Иркутске книгой. Из мешка литературного прошлого он взял с собой в новую дорогу немного — любовь к необжитым просторам и перемене мест. И, бог мой, какая была существенная разница между тем, что некогда писал Анатолий Пестюхин, и тем, как начал писать Анатолий Ольхон.

На рельсах изморозь хрустается.
А на откосах звонок лед.
И осень, сгорбленная странница,
Тропой покинутой идет.
Заснули пади и заложины,
Ночами жуток вой волков.
И сумрак чутко настороженный
Ползет на гребень облаков...

Так описывал осень в тайге Анатолий Пестюхин. Многое здесь приблизительно, пейзаж зыбок, краски размыты заимствованной интонацией.

Грузные, сизые гуси
Гулко полощут крылами.
В дымном, полунощном небе
Солнце сгорело дотла.

Зайцы полярные трусят,
Филин гнездует на камень,
Лунный, обломанный гребень
Тушит промокшая мгла.

Сентябрь поднимает погоду —
Гремучую, черную воду,
Чеканит плешивые ивы
Холодным, густым серебром.

Курчавится шерсть горностаю,
Песец голубеет лениво,
Медведь-рыбод на протоке
Хрустит осетровым ребром.

Это — «Осень на реке Индигирке» Анатолия Ольхона. Объемная материальность мира...

Анатолий Пестюхин — Ольхон родился в 1903 году в Вологде, в семье рабочего. Осваивал грамоту в приходском училище, после

революции окончил среднюю школу, получил высшее образование в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена. В юности был рабочим на лесозаготовках, в 1924 году стал профессиональным поэтом. Много лет сотрудничал в газетах, корреспондентом исколесил Крайний Север, Коми АССР, Украину, Закавказье, Среднюю Азию. Но богатые жизненные впечатления сплошь и рядом оборачивались у молодого поэта литературными реминисценциями, беглой зарисовкой, пестрой картинкой, расплывчатым цветовым пятном. «Зубы хищные белее перламутра», «свинцовые тучи», «морские невидимые излучины», «веселые матросы», которые «плуют про золотые берега» — немало таких красотей и литературных безликоостей рассыпано на страницах его ранних сборников.

Незаметно для читателей, как бы вдруг, ушел в небытие поэт Пестухин, робкий выученик Блока, Есенина и раннего Сельвинского, и так сразу же, первой книгой заявил о себе Анатолий Ольхон, поэт самобытный, талантливый, с острым виденьем мира, владелец своего, крепкого, незаемного слова.

2

Литературное наследство Ольхона многообразно и во многом значительно. Он оставил после себя свыше сорока книг: писал стихи и поэмы, песни и частушки, волшебные сказки и документальные повести, начал роман и обнаружил историческую драму.

Переводческую его работу трудно переоценить. Он первым познакомил русского читателя с поэзией малых народов сибирского Севера, много переводил с якутского и бурятского. Он, можно сказать, открыл для России Михаила Тимофеева-Терешкина. И полнозвучным, семицветным русским поэтическим словом засверкали великолепно-образные стихи замечательного слепого певца-олонхосута. Не раз переиздававшиеся в московских и сибирских издательствах повести известных ныне якутских прозаиков Эрилика Эристина — «Марыкчанские ребята» и Николая Якутского «Золотой ручей», также любовно и мастерски переведены Ольхоном.

Он не гнушался никакой черновой и часто неблагодарной литературной работой. Писал критические статьи и нелицеприятные рецензии на книги своих собратьев по перу, редактировал поэтический отдел альманаха, кропотливо вычитывал и бережно поправлял стихи начинающих поэтов, в годы войны сделал тысячи строк стихотворных подписей к «Окнам ТАСС», большинство которых вряд ли теперь и сыщешь. Надо было — вел постоянную литературную консультацию, нужно было — давал в газету литературную хроника. Был он всегда в литературной и общественной буче. Но что бы ни делал он — всегда, везде главным делом жизни была для него поэзия. Ей отдал он свыше четверти века и умер на ходу, не дописав, оборвав на полуслове поэму...

Много в Сибири поэтов хороших и разных. Может быть, есть и подаровитей Ольхона. Но я не знаю другого поэта, который с такой щедрой отдачей души и сердца воспел Сибирь. Сибирь, которая могла быть злой мачехой, стала для него родимой матерью, землей обетованной, великой и радостной. Он исходил, изъездил, излетал ее — и не раз — вдоль и поперек.

Он встречал мурные рассветы и провожал буйные закаты на Лене, его утлую лодчонку несла на своих гремучих волнах Подкаменная Тунгуска; он плывал раздольным Енисеем и пробивался сквозь ледяную толщу на Северную Землю; он прошел по черной тропе Витимскую тайгу, и резвые олени сотни верст проносили его в бескрайне-белой тундре; он видел, как рвется в горы Тулдуень — быстрая вода, и медленно скользил на лыжах по медвежьему следу. Когда шумели «будто водопады, сорвавшиеся с грузных облаков» дожди, он был на Вилюе; работая над поэмой, повторил скорбный путь Николая Чернышевского в Якутскую ссылку. Любовался голубыми снегами Колымы и на Большом Диомиде вглядывался в туманную тень американского берега...

Чуть ли не под каждым стихотворением Ольхона значилось: «Восточно-Сибирское море», «Бухта Амбарчик», «Берингов пролив», «Мыс Кутугунда», «Становище Булгонях», «Сангах-Тая», «Охотский берег»... И даты: 1945—46, 47, 48. Это значит — побывал там, уже безнадежно больным, за четыре, три, два года до смерти.

«Для меня движение — работа, — убежденно и даже с каким-то вызовом говорил он. — Перестану ездить — брошу и стихи писать». Он так и умер в дороге, за тысячи верст от дома...

Каждая его поездка вырастала в стихотворение, поэму, книгу.

3

Однажды я пришел к нему. Он ходил по комнате и бормотал вполголоса, я успел разобрать только: «Ух, как сыро, как холодно».

Весь согнулся, вобрал голову в плечи, словно и впрямь его морзило, метался по комнате. Запали щеки, под глазами легли темные круги.

— Что с тобой?

Он недоумевающе посмотрел на меня, помотал головой, как от зубной боли.

— Видишь, работаю, да и нездоровится маленько, — ответил недовольно, видимо, помешал я ему. — Но раз пришел, слушай.

Ух, как сыро, как холодно!.

Словно подуло

Несусветною вьюгой навстречу, в лицо.

Деревянная дверь покачнулася сутуло.

Под ногой заскрипело крыльцо.

Плесень, изморозь, слизь...

Читал он против обыкновения тихо, тяжкие слова падали мерно, и смутно, неуютно становилось на душе.

Глухо здесь, в этой башне.

Закроешь калитку.

Два шага. И столетья уходят назад...

Он только что вернулся из утомительной поездки в Нижний Илимск. Осматривал знаменитую башню страшного Илимского острога, долго сидел в башне один, без провожатых, думал. В Илимске отбывал «студеные годы, мертвые сроки» Александр Радишев.

Сибирь Радишева, декабристов, Чернышевского занимала много места в творчестве Ольхона. О людях, «которые были», Анатолий Сергеевич никогда не писал приблизительно, доверяясь лишь своему

воображению. Он всегда стремился побывать там, где они жили, любили, страдали, взывали к правде, боролись, надеялись и ждали. Еще в студенческие годы он хорошо узнал Ленинград — Петербург Радищева, Рылеева, Чернышевского. Не раз бывал в Петровском, Нерчинском заводах и других местах декабристской каторги, объездил, обходил пешком деревни, села и города, куда вышли на поселение посланцы свободы. А сколько листов архивных документов прочел и изучил он, близоруко склонившись над поблекшими, пожелтевшими страницами...

Сибирь политической каторги и ссылки не была для Ольхона дежурной проходной темой. Минувшие годы он пережил в своей поэзии, как современник. Он словно сидел в промерзшей башне с протопопом Аввакумом, томился в одном Мертвом доме с Достоевским, тосковал с Кюхлей по милым сердцу друзьям в богом забытом Баргузине, низко кланялся вместе с лихим ямщиком безымянным камням на границе Урала, навсегда расставаясь с Россией.

Особенно привлекала его титаническая фигура Чернышевского. Свою «Ведомость о секретном преступнике Чернышевском» он писал не главу за главой, подряд, как обычно писал все. Поэма складывалась у него годами, писалась по мере осмысления материала. Еще не были завершены «Своды законов», а он уже задумал «Во глубине сибирских руд», набрасывал «Места отдаленные». И трудно было сказать, что родилось позже, что раньше. Он кропотливо рылся в архивах, прочитывал все, что было и появлялось печатного о Николае Чернышевском, — особенно мемуары, письма, снова и снова обращался к его сочинениям, переписывался с внучкой великого критика, хранительницей Саратовского музея. И ездил, и ездил по иркутской, якутской стороне, где хоть однажды ступала нога Чернышевского...

При жизни Ольхона «Ведомость о секретном преступнике» четырежды выходила отдельными изданиями. Думается мне, критика не оценила по достоинству многолетний труд поэта. Больше всего упрекали автора в том, что не всегда и не везде в поэме на переднем плане проходит Чернышевский, в том, что поэма как бы распадается на отдельные картины — большие стихотворения или сами

по себе маленькие поэмы; упрекали в многолюдстве и даже в том, что поэт-де слишком широко размахнулся, надо бы взять материал... поуже.

Теперь, когда давно утихли страсти, нелишне будет заметить: каждый автор имеет право на творческие поиски, право каждого писателя самому выбирать форму своего произведения. И в том, что Ольхон отказался от целостного сюжета, может быть, как раз самая сильная художественная сторона поэмы. Лирическое начало, авторское «я» часто звучит в поэме свободно и обнаженно. С пронзительной силой, тоскуя и любя, найдя те единственно нужные, точные, щемящие слова, писал Анатолий Ольхон о тысячах тысяч, о русских простых людях, что прошли Владимиржой и растянулись бесконечными этапами по большим и малым сибирским дороженькам.

— Гляди, идут...
Шатаются, качаются,
Котомки на плечах;
С прохожими встречаются,
Оковами стучат.
...Без имени, без отчества,
Ослабли с голодух.
Идут в цареву вотчину,
На каторгу идут.

Вместе с поэтом читатель проходит путь сибирский дальний — и старым Якутским трактом, через печально знаменитые деревню Куда, село Оёк, минует ни село ни город Качуг, выходит на повитый туманами Усть-Кут; явственно слышит, как падает тяжелая ледяная капель в страшной Илимской башне, осыпается липкая сырость в Вилюйском остроге, различает отчетливый звон кандалов...

Слышишь ты, в тайге заголосили:
— Потерялся след...
Много дальних есть дорог в России,
Дальше этой нет.

И нужно было, чтобы появился советский поэт, который с такой гневной силой, художественно ярко и темпераментно рассказал о камерах-погребах Александровского централа, бесконечных аре-

стантских этапах, на которых сотни лет — от Петра — голосила Россия, о «Нерче — городе арестантов», наконец, о невиданных, вскормленных пятым годом беглых в Сибири:

— Здравствуй, мятежник,—
Бездонный Байкал!.. —
Слесарь путиловский цепь расковал,
Шапкой слезу одинокую вытер:
— Что ж, до свиданья,
Расстрелянный Питер.

Пройдет немного лет, и этот путиловский слесарь в семнадцатом будет подымать на борьбу с царизмом иннокентьевских железнодорожников, в годы гражданской водить против Пепеляева и Колчака красные партизанские отряды. А рядом с ним встанет другой большевик, мужицкий сын Николай Бесхлебных, отец которого некогда получил пятнадцать лет каторги за дележку барских закровов...

И обо всем этом напишет Анатолий Ольхон в своих стихах и поэмах. Он не забудет ни прославленных героев, ни великих рядовых революции, ни павших в борьбе, чьей кровью и смертью завоевана светлая жизнь последующих поколений. Поэт подводит читателя к гранитному столбу над братской могилой:

Седому камню,
Кто б ты ни был, поклонись!
Любовь и ненависть, и мужество зови...
Запомни, что стоишь ты на крови.
И если хочешь ты прожить большую жизнь,
Здесь клятву дай
И верным быть учись...

Родное прошлое было для поэта не далекой историей, а вчерашним днем, который учил, как жить сегодня. И Радищев, и декабристы, и Чернышевский, и слесарь путиловский, и сын крестьянский Никита, и пулеметчик Петр Стрижков, и Дарья-партизанка, и рабочие-рудознатцы — все, все они встают в стихах и поэмах Анатолия Ольхона нашими живыми современниками, нужными нам и сегодня.

Давно это было, перед самой войной. Он заходил ко мне в квартиру раним-рано, беспощадно подымал с постели, и мы отправлялись на Ангару. Синяя река стремительно катила тугие волны. Меж берегами висела, застыв, серая громада моста. Заречные дали зеленели округлыми холмами. Легкий ветер приносил с реки запахи рыбы, острой свежести и чуть горьковатый пароходный дымок. Ольхон широко раздувал ноздри, с шумом вдыхал воздух, словно желая вобрать в себя и синюю реку, и зеленые холмы, и серый мост, и чистое, пронизанное солнцем пространство.

— Ух, брат, ух, живем! До чего хорошо живем! — восклицал он и, закинув сцепленные руки на затылок, с хрустом расправлял впалую, но еще крупную, широкую грудь. Он замолкал, чтобы перевести дух, а затем продолжал: — Нет ничего лучше нашей Сибири. Это я утверждаю окончательно и бесповоротно. Придет время — когда-нибудь вспомнешь мои слова — сюда будут проситься за ради бога. А мы, сибиряки, — хитренько улыбнулся он, — еще подумаем, кого пускать, кого нет, кого звать, а кого в шею гнать. — Он довольно рассмеялся. — Право, из Москвы к нам насовсем приезжать будут...

Повернувшись всем корпусом к Ангаре, он задремал на всю набережную:

Светла, могуча, широка,
 Прекрасна ты, моя река,
 Любовь и гордость рыбака...
 Но я хочу, чтоб твой разбег
 Взнуздад упрямый человек.

Редкие в этот час прохожие удивленно посматривали на поэта, некоторые, узнавая, молча кланялись. А он с необычайной, даже для его голоса, силой закончил:

Дорогу в будущность открой,
 Вставай скорей, Ангарострой!

Ольхон не дождался появления Иркутской и Братской ГЭС, строительства Красноярской и Усть-Илимской, ему не довелось увидеть Шелиховского алюминиевого завода, Академического городка под Новосибирском, троллейбусов и высотных домов в сибирских городах; ему не пришлось встречать веселые эшелоны парней и девчат, съехавшихся со всех концов страны «покорять Сибирь»: на меньшее они не были согласны.

Ольхон не дожид до всего этого, но задолго до появления электрических солнц над Сибирью поэт пел будущий Ангарострой. Он воспевал разведчиков недр, первооткрывателей сказочных богатств, стихами и прозой утверждал прекрасное настоящее и еще более чудесное будущее сибирской земли. «Звезды полярного круга», «Байкал», «Восточный сектор Арктики», «Окраины милой отчизны» — так назывались его последние книги. Жадными очами смотрел поэт на сибирскую новь, на вчерашнего челдона — пахаря и зверолова, ставшего водителем полярных кораблей, смелым работягой-пилотом северных рейсов, горноразведчиком-геологом, мужественным шофером «Золотофранса». Гордостью за нового, советского человека, торжественным гимном во славу его звучат стихи Ольхона:

Полюс холода!
Черного неба зиянье.
Белых пиков над тундрой чудовищный взлет.
Полюс холода.
Здесь замерзает дыханье,
Спирт густеет, а ртуть превращается в лед.

И дальше:

Там, за тучами, наша легла автострада,
Прорубила у каменных мамонтов лбы,
И уже к Океану прошли для парада,
В телеграфных шеренгах, стальные столбы.

Многоцветным полотнищем плещет сиянье.
Правда, митинг недолог и скромн на вид.
Да ведь здесь иногда замерзает дыханье,
А сегодня оркестр вдохновенно гремит..

Это настолько характерное стихотворение для Ольхона, что его не мешало бы процитировать полностью. Вы посмотрите, какие впечатляющие слова и образы отбирает поэт. Полюс холода — это край земли, «черного неба зиянье, белых пиков чудовищный взлет», здесь не то что человечье дыхание — спирт густеет, в лед превращается ртуть. Здесь даже тучи — сухие, замороженные. И вот тут-то советские люди сквозь гранитные глыбы, над тучами пробили автостраду. Подвиг? Героизм! Да, и еще какие! Мы не видим, как это делалось, но, читая первую половину стихотворения, воочию представляем себе, чего это стоило. Но потом поэт как бы снижает тон, нарочито подчеркивая будничность свершившегося. Но ведь и митинг на шестидесятиградусном морозе, и добровольцы-музыканты — это ведь тоже, если хотите, героизм. А поэт заканчивает стихотворение сугубо обыденными, деловитыми словами: полюс холода превратился нынче в простой полустанок, который не каждый шофер и заметит. И эти простые, спокойные слова впечатляют читателя и прославляют строителей автострады куда сильнее, чем если бы вдруг послышался гром литавр и барабанный бой...

В 1948 году безнадежно больной — и он хорошо знал об этом — Ольхон писал мне:

«...Вот и я, кажись, совсем отъездился, отлетался, отпутешествовался. Не хожу, а перемещаюсь, как дух. Катастрофически таю, веса не хватает 26 килограммов до минимума, а температура все ниже и ниже... Так-то! И не жалею, не зову, не плачу. Некогда. Заканчиваю книгу «Звезды полярного круга» и поэму «Служба погоды»; первая о друзьях-полярниках, с которыми беседовал, плавал, дрожал от холода и горел от спирта на самолетах, катерах, ледоколах и даже подлодке. Есть что вспомнить и помянуть многие годы бродяжничества. А «Служба погоды» тоже на северном фоне, это о нас с тобой... стареющих внешне, но нестареющих (утверждаю) душой».

«Звезды полярного круга» — мужественная книга о мужественных людях. И как обычно у Ольхона, люди из глубины веков идут рука об руку с нашим современником.

Упрямо вперед стремится Семен Иванович Дежнев. И имя

его поднято славой на веки веков, а «этот глыбистый берег России держава закрепила границею материков». И проливом Витуса Беринга, как некогда сам он, идет уже советский полярный флот. И наши молодые считают себя восприемниками дерзностных дел того, кто «прошел переулком забытым иркутским — на другой материк, за собой приведя заблудившийся век» — Колумба русского — Григория Шелехова. И там, где в 1820 году якоря российских кораблей «по-хозяйски ощупали дно», — несет трудовую вахту советская китобойная флотилия «Слава». Вот так — все в тесном переплетении — вчерашний и сегодняшний день. Минувшее оттеняет, еще более подчеркивает значительность и величие настоящего.

Но, может быть, в «Звездах полярного круга», как и в других «северных» циклах Анатолия Ольхона, нас опять-таки больше всего привлекают стихи о простых, историей не отмеченных советских людях. «Путь жестокий — четыреста синих снегов, пять завьюженных северных дней» должен проделать на оленях почтальон, чтобы доставить свежую почту в город Колымск. И вместе с почтальоном к колымчанам «на страницах «Известий» приходит весна потеплевшим дыханьем времен». Кочует по Эвенкии, от стойбища к стойбищу, красный чум, и из радиоприемника слышат оленеводы «привет столицы». Там, где не было «ни зверя, ни птиц, ни растений», в до того недоступных хребтах Бырранга дорожники пробили кольцо камнепадов и открыли путь. Невероятным усилием воли вырывает из, казалось бы, неминуемого ледового плена свой корабль старый полярный капитан...

Мирно и героически трудится наш Север — Советская Арктика. Так бы и славить поэту труд советского человека, но Анатолий Ольхон не забывал и другое. Тревожась за судьбы мира, он писал:

Наш Север, от Чукотки до Петсамо
Зарницами Победы осиян.

Все взято с бою,
Жертвами, трудами...
И, если где-то ветер посвежел,
Поднимем солнце выше надо льдами,
Циклон остановив на рубеже.

Ольхона часто в критической литературе называли «певцом окраин милой Отчизны». И впрямь, где только не путешествовала, не бродяжила муза поэта, но был всегда у него один особенно заветный уголок, куда он любил приходить и в дни радости, и в дни горечи и печали.

Байкал! Вот к нему возвращался Ольхон в своей поэзии постоянно. В честь славного моря он назвал два своих сборника: юбилейную книгу стихов и поэм за 20 лет, выпущенную Иркутским издательством в 1946 году, и годом раньше издание «Советского писателя» в Москве.

Веселое, красивое, кряжистое, могучее, статное племя лихих поморян толпится в байкальских стихах и поэмах Ольхона. И каждый человек на особицу, со своими ухватками, словечками, своим обличем и своей судьбой. А все вместе — особенный байкальский народ. Рыбаки, соболятники, мореходы, геологи, старики и старухи, юноши и девушки, — хранители трудовых заветов.

Множество раз приходил Анатолий Ольхон к Байкалу. В его могучем вольном дыхании и голубом просторе искал он и черпал свою поэтическую силу.

Я хочу таким же быть.
 Как и ты, отец Байкал,
 Вечно двигаться и жить,
 Сохранить, что мир мне дал,
 Я хочу, чтоб голос мой
 Не дрожал и не старел...

«...Ты... находишь, — шутейно писал он мне как-то, — оказывается, меня лириком? Тут я тронут за живое. Мерси!..»

Да, Ольхон несомненно был тонким лириком. Нередко — уж время наше было подчас такое суровое! — он «наступал на горло собственной песне». Так называемой «чистой», скажем, любовной лирики у него не так уж много. Можно сказать — совсем мало. Но она была — эта нежная муза Ольхона, — пахнувшая свежей таежной

хвоей, первым снегом, вечерним холодком пустынной реки,— застенчивая и, возможно, не очень приглядная муза. «Эта женщина одна в целом свете мне видна,— некрасива, но горда и совсем не молода».

Пересказывать лирические стихотворения так же бессмысленно, как удерживать воду в решете. Поэтому я просто отсылаю читателя к небольшому разделу оборника — «Встречи с музой».

6

Поэтическое наследие Анатолия Ольхона — одна из самобытных страниц русской советской литературы в Сибири. Голос поэта не спутаешь с другими поэтическими голосами. Не даром в свое время Василий Лебедев-Кумач, обзвывая на страницах «Литературной газеты» творчество поэтов-сибиряков, утверждал: «Своеобразней других Анатолий Ольхон. Он продолжает разрабатывать в своих стихах мотивы и темы сибирского фольклора. Его ритм, интонации и образы свежи и своеобразны».

Все это верно. Но Ольхон не только «разрабатывал мотивы и темы» фольклора. Сибирский фольклор он знал в совершенстве и не только русский, но и других народов, населяющих Сибирь.

Анатолий Пестюхин-Ольхон был человеком большой поэтической культуры. Его богатая память хранила тысячи стихотворных строк. Но поэт Пестюхин, возможно по молодости лет и ряду иных сложных причин, не смог преодолеть литературных влияний, выйти из-под поэтической опеки более талантливых и сильных стихотворцев. Попав в Сибирь — он нашел себя как поэт, нашел свою, многожды продуманную, прочувствованную, выстраданную тему. В его стихах появились свой ритм, свои образы, свои интонации, своя красочная палитра.

Стих Ольхона лирик, стремителен, певуч, нередко по-народному мудр, афористичен, пересыпан меткими сравнениями, эпитетами, разузорен ядреным, образно-метким простонародным словом. Многие строчки поэта крепко западают в память, звучат как присловья и поговорки: «Здесь нету хлеба лишнего, но знают с давних пор: прокормит нищий нищего, а бечность -- не зазор», «Одиноким не ме-

сто в мире, легкий ветер былинку гнет. Исполнок веков по Сибири — человек к человеку льнет», «На спине бубновым тузом припечатана судьба» и другие.

И было еще одно, что сделало его своеобразным, незаурядным поэтом. Работа Тяжелая, подчас изнурительная, каждодневная — по многу часов — работа над словом. Злой недуг все сильнее наваливался на него, сердечные приступы становились чаще, но, теперь уже ясно сознавая серьезность своего положения, он работал еще упорнее.

Незадолго до смерти он признавался в одном из писем: «Теперь, после многих лет работы, мне многое стало ясно в себе и еще больше в некоторых собратьях по перу. Суждены нам благие порывы, но немногое мы совершили. Я чуточку побольше сделал потому, что не жалел себя. Ты точно подметил, что я работаю, как дьявол. Но ведь в этом, и только в этом, я вижу цель жития, этим, и только этим, и борюсь с моей страшной болезнью...»

Он писал новую поэму, когда к столу поспешно подошла смерть. На полуслове оборвалась поэма, в последний раз ударило и остановилось сердце. Это было больное, закованное в жесткий известковый панцирь, сердце мужественного и талантливое человека.

Потрясенный смертью Ольхона, якутский олонхосут Михаил Тимофеев-Терешкин писал в стихотворении «Памяти друга»:

...Песни твои — это песни сердца,—
Они гремели потоком бурным.
Они летели по всей Сибири,
Мы не забудем их никогда.
Души твоей чистота — в прозрачных,
В твоих росистых, рассветных строках,
В рвущихся к будущему, как к солнцу,
В непримиримых стихах твоих.
Так пусть же песни твои, товарищ,
Песни, что льются из сердца в сердце.
Песни, что жизнь на земле утверждают,
Будут памятником тебе.

Да будет так!

Анатолий Срывцев

ПЕСНЯ

Ветер, падающий с гор,
Полунощную звезду,
Кедров шумный разговор,
Блеск зари в зеленом льду,
Тонкий запах летних трав,
Щебет птиц на берегу,—
Жадной памятью собрав,
Все я в сердце сберегу.

Это мой Байкал встает,
Первобытный мир чудес,
Мир распахнутых высот,
Опрокинутых небес.
И повсюду предо мной
Голубая глубина,
Ветром зыблемый покой,
Отраженная волна.

Я хочу таким же быть,
Как и ты, отец Байкал,
Вечно двигаться и жить,
Сохранить, что мир мне дал.
Я хочу, чтоб голос мой
Не дрожал и не старел,
Чтобы песенный прибой
С вешней силою звенел,

**Чтобы юность, закипев,
Как прозрачная волна,
Поднимала мой напев,
Горделива и сильна.**

*Ст. Байкал
1941*

ПОСЛАНИЕ
С
БАЙКАЛА

ПОСЛАНИЕ С БАЙКАЛА

Мы вместе ходили в море,
Разматывали невода.
Для нас в ледяном заторе
Тюленьи пастись стада.

В погоду и в непогоду
Добыча от нас не уйдет.
Для нас сквозь овирепую воду
Густел омулевый ход.

Мы вместе на черных скалах
Ловили живьем соболей.
Под парусом вдоль Байкала
Прошли, не боясь камней.

О, молодость песен весною!
Мечта и любовь — моя!
Удача идет со мною,
Со мною идут друзья.

И там, где бывает туго,
Они помогают мне.
Мы держимся друг за другом,
И нет нас нигде сильней.

По крови семья не родная,
Но родственней в мире нет.
В знакомцах себя узнавая,
Не вижу чужих примет.

Над синей байкальской чашей,
У строгих гранитных скал
Основою жизни нашей
Колхоз промысловый встал.

И нынче в любимой теме
Ударит напев волной.
Я вас познакомлю с теми,
Кто рядом идет со мной.

За молодость нашу, за славу,
За наш и отцовский труд
Былинный Байкал по праву
Советским теперь зовут.

1940

ПОЛИКАРП ДВОЕДАН— СЕТОВЩИК-БРИГАДИР

Поликарп Двоедан —
Сетовщик-бригадир,
Он наследник лихих поморян...
По утрам, раздвигая байкальский туман,
Поглядеть, как на ловлю спешит Двоедан,
Молодая выходит заря.

Двоедан поднимается раньше зари.
На ущербные звезды взглянув,
Он плывет в челноке по рассветной волне
Омулевую стаю искать в глубине,
Парусок над кормой развернув.

Свежий ветер попутчиком будет ему.
Двоедан объезжает залив.
По движенью, по блеску дремучей воды
Косяков омулевых он чувствует следы.
Он на промысле нашем счастлив.

От отцов и от дедов — ловецкий талант
И вдобавок смекалка своя:
На учете он держит приметы ветров,
Знает рыбы повадки и путь косяков,
И покажет их вам, не тая.

Бригадира мы любим и верим ему.
Пусть он многих моложе из нас,

Но, когда мы закинем сетей своих стан
Там, где нам указал бригаир Двоедан,
Знаем: будет добыча сейчас.

Много новых людей на советской земле,
Поликарп Двоедан из таких.
Он прославил рыбацье свое ремесло,
Парус, лодку, и сеть, и крутое весло.
Я ему посвящаю свой стих.

Вот какой он у нас, сетовщик-бригаир,
Гордость наших байкальских путин:
Весельчак и затейник, и первый танцор,
Не о нем ли девицы ведут разговор,
Возвращаясь домой с вечерин?..

Говорят, нынче женится наш Двоедан,
На мысу ставит новенький дом.
Будем свадьбу крутить и вино будем пить,
Молодым пожелаем столетье прожить...
Счастье добыто нашим трудом.

Сеть у нас не бывала пустой никогда,
Парусов ураган не сбивал.
Сетестапы ведем на воде и на льду
И рыбацкую песню поем на ходу:
«Наше море, советский Байкал!»

1940

НАСТЕНЬКА-РЫБАЧКА

Хороши рыбачки на Байкале, хороши...
Молодые девушки как сбсенки,
Все такие скромные, степенные,
Ниже пояса висят тугие косыньки,
На лицо — русалки белопенные.
Хороши рыбачки на Байкале, хороши...

Поглядишь, пожалуй, заглядишься ты...
И глаза у них у всех русалочки:
Голубые звезды да зеленые,
Брови ровные, как крылья галочки,
Губы, алым солнцем опаленные.
Поглядишь, пожалуй, заглядишься ты...

Много сказок сложено про девушек.
Говорят, была богиня древняя,
Афродита — в пене волн рожденная.
Может быть... Но вот былина верная:
И у нас есть на море найденная...
Много сказок сложено про девушек.

Наш рассказ не сказка и не вымысел.
Вот идет в прибое наша Настенька,—
Уродилась девушка бездомная,
Раньше ей бы горе-жизнь злосчастная,
А она у нас как дочь приемная.
Наш рассказ не сказка и не вымысел.

Это было в годы партизанские.
На Байкале выловили лодочку
И нашли в ней лапотки крестьянские
Да девчонку чью-то, одногодочку.

Кто она без роду и без племени?
Так судьба ей, видно, насудачила.
Окрестили Настей в скором времени.
Подросла и с нами зарыбачила.

Всем селом сиротку мы лелеяли,
Одевали — с миру по холстиночке.
Злую долю по ветру рассеяли,
Улыбнулось солнце сиротиночке.

И она росла, как зорька ясная,
Весела, пригожа и улыбчива.
Знать, была забота не напрасная,
Человечьей бедности отзывчива.

Нынче Настя — знатная колхозница.
В неводьбе за нею не угонишься.
Замуж время, только девка скромница,
Да такой ведь просто не поклонисься.

Погляди, в прибой идет за неводом,
Волны бьют, и дождик сеет частенько,
А она... Ну, что ей волны — невидаль!..
Погляди, красива наша Настенька?

Разве хуже той богини греческой —
Афродиты — девушка ловецкая?
Сам Байкал волной своей отеческой
Колыбель ее баюкал детскую.

Погляди... Глаза блестят зеленые,
Под платком тугие косы спрятаны,
Щеки алы, ветром накаленные,
Рукава до плечиков закатаны.

Погляди, какие руки белые!
На ладонях тут мозоли честные.
Трудовые девушки, умелые,
По всему Байкалу всем известные.

Поклонись! Да долго не заглядывай,
Не влюбись! Любовь ведь трудно вывести...
Так и быть, окажу тебе, угадывай:
Женишок находится поблизости.

Бригадира видывал на катере?
Двоедан! Жениться собирается.
Гармонистов будет, слышишь, пятеро,
Нынче ловля свадьбой закрывается.

Пара будет — лучше и не встретится.
Поликарп и Настя, это — да!
Вот она идет, как зорька светится...
Не гляди-ка, друг ты мой, туда.

ОМУЛЕВЫЙ ЛОВ

Желтый полог небес,
Будто шелк на заре.
Дым туманный исчез,
И вода в серебре —
В серебре от зари,
От светлеющих гор.

На становье горит,
Затухает костер.
Мы идем налегке,
Лодки словно летят.
В сетевом поплавке
Брызги света блестят.
Брызги света кругом.
Весла режут хрусталь...

За песчаным бугром
Раскрывается даль.
Заскрипели рули —
Круговой поворот:
Это сеть повели
Из сверкающих вод.
Из сверкающих вод
Омулевый нагул,—
Рыбы вспугнутой ход
Бригадир повернул.

Поплавки на бортах,
Тяжелей бечева.

Первый омуль в руках.
Сеть не рвется едва.
Сеть добычей полна,—
Рыбьи стаи густы..

Голубая волна
За кормой шелестит:
«Славься, мыс Онгурён!
Вы, круты берега!
Омуль ровный ядрен,
Чешуя — жемчугá,
Чешуя — жемчугá,
Омуль вешних путин.
Водяные луга,
Жатва синих глубин».

На восходе у скал
Якоря загремят:
«Славься, море Байкал,
Урожай твой богат!»

РЫБАЧЬЯ ПЕСНЯ

Баргузин вздувает пену,
Тучи падают с полночи,
Непогоду-перемену
Белокрылка напорочит.
Сиговье ложится грузом,
Омульем забиты лодки,
Сеть болтается обузой,
Разметало мореходки.

Волны весла вырывают,
Бьют в борта холодным громом.
Ходит зыбь понизовая —
Почернел бездонный омут.
Изломались руки, плечи;
Кормщик выпустил руло,
Берег вздыбился далече,
Землю дымом застелило.

С четырех сторон морянка
Захватила, закачала:
Штормовая лихоманка
Загуляла вдоль Байкала.
Поддержись, рыбацья сила!
Маяки кричат в затоне:
«Мать-земля тебя носила,
Мать-вода тебя не тронет».

ЗИМНЯЯ ПУТИНА

Зимний лов на Байкале хорош,
Хороша промысловая страсть!
После пышных декабрьских порош
Лучше дела себе не найдешь!
Знай почаще посматривай снасть.

Я люблю это время, мой друг!
Голубые дымят берега,
Облака, уплывая на юг,
Теплый пух осыпают вокруг.
Как невеста, нарядна тайга.

А в заливах, под скатертью льда,
Под холстинами гладких снегов,
В прорубях загустела вода,
Невидимки плывут — неводá,
Урожайный снимают улов.

Закруглились сиговьи хребты,
Омулевые жирны бока, —
Рыбьи стаи нагульны, густы..
Погляди да порадуйся ты
На удачливый труд рыбака.

Возле наших колхозных шатров
Малоллюдно в такие деньки.

Поварихи ворчат у костров,
Что обед самолучший готов,
Да никак не идут едоки.
Разгулялась ловецкая страсть,
И ничем ты ее не уймешь...
Время солнышку в горы уласть,
Торопись, пошевеливай снасть.
Зимний лов на Байкале хорош!

ВЕЧЕРИНЫ

А. А. КУЗНЕЦОВОЙ

1

Над Байкалом веют снегопады,
Лебединый пух летит в тайгу.
Мореходок серые громады
Отдыхать легли на берегу.

На гранитных темных крутоярах
Леденеют лапы якорей,
Позабыты невода в амбарах,
Зимний лов начнется в январе.

А сейчас — досужие зазимки —
Время свадеб, девичьих забот.
Всюду шьют обновки да новинки.
На Байкале так из года в год:

Между двух путин, до ледостоя,
Получив сполна по трудовням,
Веселится племя холостое —
Вся моя байкальская родня.

Рыбаки, рыбачки, мотористы,
Бондари, засольщицы, гребцы —
Шутники, танцоры, гармонисты
И свои, ловецкие, певцы.

Всё народ веселый да задорный,
Закален ветрами и водой.
Как пойдут по улице Подгорной —
Словно лес шагает молодой.

Высоки, стройны, широкоплечи --
В три ряда по улице идут.
К ним выходят девушки навстречу,
Баянисты песню задают.

И звенит над берегом Байкала
Чей-то голос, ласковый такой,
И выходит первый запевала,
Помахавши девушкам рукой.

«Эх, ты Подгорна, ты Подгорна,
Развесела улица!
На тебе, моя Подгорна,
Милая балуетца.

Выйдет,— глянет,
Павой встанет,
Полушалок развернет.
Говорит, что не обманет,
А руки не подает.

Что ж ты павой выступаешь?
Расскажи, куда идешь?
Провожу, коль пожелаешь,
Ты дороги не найдешь».

Распахнув цветные полушалки,
Будто стая сказочных жар-птиц,
Усмехнутся наши молодайки,
Подтолкнут застенчивых девиц.

И пойдет навстречу баянистам,
Раздвигая плечиком парней,
И взмахнет платочком из батиста
Та, чьи косы ноченьки темней.

Гордо топнет желтенькой ботинкой,
А потом лукаво, покраснев,
Соловьем залетит невидимкой,
И подхватят девушки припев:

«Ты Подгорна, ты Подгорна,
Развесела улица.
На тебе, моя Подгорна,
На меня любятца.

Где ни встану,
Как ни гляну,—
Милый краше не найдет.
Полюблю, так без обману,
Только... пусть он подождет.

Вьет метелица перины,
Широка родная падь.
Мы идем на вечерины,
Разрешаем провозжать».
И пойдут по улице Подгорной
Все мои знакомцы и друзья,
Плясовую поступью проворной
Над обрывом берега скользя.

На мысу, за черными камнями,
Под шатровой крышей новый дом —
Клуб колхозный — светится огнями,
Там сегодня время проведем.

2

Нынче наши вечерины.
Торопитесь поскорей.
Две подруженьки-дивчины
Встали около дверей.

Всех с поклонами встречают,
За рукав шутя берут —
Раздеваться приглашают...
Что ты будешь делать тут?

Непривычно это дело,
Да не станешь рассуждать.
Раньше в шубах мы сидели,
А теперь велют снимать.

Девки тешатся, голубки.
В кучу шубы, полушубки.
Куртки, шалки, рукавицы
Прибирают молодницы,—
Так-то лучше и видней,
У кого костюм модней.

Парни все в суконных «тройках»,
В пестрых галстуках форсят,
Все в сорочках-разнокройках,
И у всех значки висят.

По два, по три, по четыре...
Вот они, сибиряки,
Что ни грудь — то выше, шире...
Ворошиловцы-стрелки,

ГТО, парашютисты...
Любо глянуть на ребят,
Принаряжены и чисты,
Вышли будто на парад.

Девки модой щеголяют,
Не уступят городским.
Щеки заревом пылают,
И румян не надо им...

Все цвета и все оттенки.
Роза к лебедю плывет.
Ну-ка, встанем, друг, у стенки,—
Начинают хоровод.

3

Лампы-молнии сверкают,
Косы девичьи взлетают,
Ленты пышные блестят,
Платья в танце шелестят.

Пара к паре,
Пара к паре,
Кто-то звякнул на гитаре,
А в углу, наискосок,
Взмыл свирельный голосок:

«Полюбила я его,
Полюбила милого,
Для него, для одного
Всех других забыла я...»

Три кудрявых баяниста
Развели мехами враз,
И ответил голосисто
Молодой рыбацкий бас:

«Она, моя милая,
Сердце мое вынула,
Сердце мое вынула
Да в Байкал закинула...»

Тут баяны и гитары
Заиграли сразу — вдруг.
Разошлись, распались пары,
Все танцоры встали в круг.

Звонко хлопнули в ладоши,
Дружно за руки взялись.
Покачнулись,
Развернулись,
Закружились,
Понеслись,
Вправо — влево,
Влево — вправо.
Плясовая мчит забава.
Баянисты-игроки
Поскидали пиджаки.

Обещанья, крики, шутки,
Взгляды жаркие зовут.
Смех, улыбки,
Прибаутки
Подгоняют
И несут:
Влево — вправо,
Вправо — влево.
Хоровод летит с припевом.
Все играют,
Все поют,
Гитаристы струны рвут.

Лампы-молнии сверкают,
Косы девичьи взлетают.
Четок топот каблуков.
Реют крылья мотыльков —
Реют девичьи косынки.
Хороши вы, вечеринки,
Жарко в сердце бьется кровь.
Радость, молодость, любовь!

ПРИБОЙ НА ОСТРОВЕ ОЛЬХОН

Пушечный, сдавленный гром,
Наковален тягучий звон:
Это байкальский шторм
Рвется на остров Ольхон.

Полчищем пенистых грив
Бьется крутой прибой,
Камень водой напоив,
Ревет боевой трубой.

Ударь, ударь, ударь!
Тверд и могуч Ольхон,
Гранитом одета ярь
Его четырех сторон.

В разбег,
В набег,
В разгон,
Раскачивая волну,
Обрушивай тысячи тонн
На каменную вышину.

Удар! Удар! Сильней!
Рушится леной прибой.
Камень воды верней —
Он принимает бой.

Так бы и мне стоять —
Грудью ветрам в упор,
Темные волны мять,
Славить седой простор.

Твердость у камня взяв,
Остров Ольхон, с тобой,
Бурям преградой встав,
Я принимаю бой.

1931

ИСТОК АНГАРЫ

Взгляни, скорей взгляни сюда!
Стремительно скользит вода —
Зелено-синяя руда;
Огромный фвущийся поток,
Тугой, прозрачный завиток
Слюдой кипучей засверкал...
Здесь обрывается Байкал.

Упруго вздрогнув в шиверах,
Качая сосны на горах,
Вздувает волны Ангара;
Земля дрожит, вода звенит,
В лесок стирается гранит...
Увидев синюю реку,
Конь застывает на скаку.

Его напрасно всадник гнал,
Потока он не обогнал,
Конь запыхался и устал.
Но не устанет никогда
Легкобегущая вода,
И никогда тяжелый лед
Ее разбег не оборвет.

Светла, могуча, широка,
Прекрасна ты моя река,
Любовь и гордость рыбака...
Но я хочу, чтоб твой разбег

Взнуздал упрямый человек,
Чтоб над окраиной земли
Сиянье радуги зажгли.

Дорогу в будущее открой,
Вставай скорей, Ангарострой!

1941

ЗВЕЗДЫ
ПОЛЯР-
НОГО
КРУГА

ОТКРЫТИЕ ПОЛЯРНОЙ ДОРОГИ

Полюс холода!
Черного неба зиянье.
Белых пиков над тундрой чудовищный взлет.
Полюс холода.
Здесь замерзает дыхание,
Спирт густеет,
А ртуть превращается в лед.

Заполярье.
По сухим замороженным тучам
Покатился ущербный осколок луны,
А гранитные глыбы к спадающим кручам
Припаяла, должно быть, рука сатаны.

Край земли!
Тут до дна промерзают озера,
Под сугробами стелется забнувший лес,
Исполинские скалы огнем разузоря,
Полыхают сполохи с подножий небес.

Там, за тучами, наша легла автострада,
Прорубила у каменных мамонтов лбы,
И уже к океану прошли для парада,
В телеграфных шеренгах, стальные столбы.

Многоцветным полотнищем плещет сиянье.
Правда, митинг недолог и скромн на вид.

Да ведь здесь иногда замерзает дыхание,
А сегодня оркестр вдохновенно гремит...

С головой заведнувшись в косматые шубы,
Встречный марш музыканты усердно дудят.
Хриповато рокочут латунные трубы.
Цельней скоро покажет мороз — шестьдесят!

Ну и пусть его!
Вспыхнула алая лента:
Путь-дорога открыта.
Две сотни машин,
Нахлобучив на дверцы щиты из брезента,
Полетели по ветру на гребень вершин.

Возле моря мы будем еще спозаранок.
Над хребтами сполохи зажгли светофор.
Полюс холода нынче простой полустанок,
И его замечает не каждый шофер.

ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ БЫРРАНГА

На белой подошве Таймыра,
Скривившись, как два бумеранга,
Загадкой полярного мира
Легли хребтовины Бырранга.

Я видел в окне самолета:
Камней разъяренных движенье,
Бездонных ущелий ворота
И черного снега круженье.

Сквозь вздыбленный каменный хаос
Какая-то дикая сила
На древних утесах взрывалась,
Замерзшую землю месила.

Из пропасти недр преисподних,
Где пряталась тьма грозовая,
По руслам потоков безводных
Хлестала метель низовая...

Нога человекья в те поры
На этих хребтах не бывала.
Столетних преданий узоры
Людская молва вышивала.

Бырранг — это темные вьюги,
Бырранг — это гром камнепада,
Рубеж неизвестной округи,
Туземных кочевий преграда.

Ни зверя, ни птиц, ни растений
Там даже поблизости нету.
На памяти всех поколений
Там гибель и мрак без просвету.

Сегодня мне диктор столичный
Сказал в микрофон делозито,
Что подвиг свершен необычный
Кольцо камнепадов пробито.

Отряд экспедиции новой
Проник в недоступные горы,
На карту ложатся обной
Бырранга ночные просторы.

Я знаю, какие лишенья
Достанутся землепроходцам:
В пустыне, безвестной с рожденья,
Отвага со смертью столкнется...

Отчизна моя дорогая,
Заботой твоею хранимы,
Герои полярного края
Пусть будут в пути невредимы!

Пусть там, на окраине мира,
Никто не исчезнет неведом.
Пусть солнце сквозь камни Таймыра.
Пройдет за героями следом!

СТРОИТЕЛЬ ДОРОГ

Стихла апрельская вьюга,
Изморозь пахнет весной.
Встретив, как старого друга,
Сердцу родная округа
Снова зажгла надо мной
Звезды Полярного круга.

Около первой зимовки
Нынче шумит городок.
Северных дебрей обновки —
Следом давнишней кочевки,
Взрыхлив зеленый ледок,
Тракторы вышли с ночевки.

Путь им теперь без помехи
Мы проторили — навек!
Помню я редкие вехи,
Хлипких малаток прорехи,
Лагерь на пустошах рек,
Взрывы горы Кигиллехи.

Стиснув трясины гнилые,
Дамба до моря легла.
Там в зыбуны снеговые
Камни мы клали впервые,
Песня на подвиг звала,
Плавились льды вековые.

Как далеки эти годы!
Весны уходят вперед.
Слышишь, гремят ледоходы,
Полые ринулись воды:
Наша дорога ведет
Новую смену в походы.

Пусть же апрельская вьюга
Сыплет в виски сединой.
Встретив, как старого друга,
Сердцу родная округа
Снова зажгла надо мной
Звезды Полярного круга.

ОХОТСКИЕ ЖИТЕЛИ

Охотское — море,
Охота — река,
И город Охотском зовется.
И песня в Охотске поется:
«Охочему люду работа легка,
С охотою легче живется...»

На голых песках поднялся городок:
Ни камня, ни деревца нету,
А славен по белому свету.
Он сторожем вышел на Дальний Восток,
Поставил на взморье отмету.

Его подымала шальная вода,
Морские пески заносили,
И ветры избушки сносили.
И что же? Охочая воля тверда,—
Другую судьбу не просили.

Три века растет городок да растет,
Ядреный, задорный, двужильный,
Добычей всегда изобильный.
И нынче живет в нем веселый народ
И нет там души слабосильной.

Охочие люди в Охотске живут —
Ловцы, пушники, китоловы.

У всех у них песни готовы.
А песни в Охотске недаром поют:
Готовятся, значит, обновы.

И впрямь обновляется наш городок.
Надежная радость богата —
Растут и дома, и ребята,
И выращен первый кудрявый садок
В песках, пустовавших когда-то.

ГАЗЕТНАЯ ПОЧТА В ЗАПОЛЯРЬЕ

На олени рога
Налетает пурга,
Тяжелеет полярная ночь.

Слюдяная луна.
Леденец валуна.
Глухоманное место — урочь.

Месяц — тундровый март
Место — город Колымск.
Россыпь звезд накануне весны.

Скрип взлетающих нарт.
Бледной вьюги азарт.
Глубоки заполярные сны.

Но у самой последней избы, за углом,
Теплый храп и качанье рогов.
Почтальон поправляет медвежий шелом,
Привезенный с других берегов.

Спит ночная река, промерзая до дна,
И ледяшкой стучит почтальон.
На страницах «Известий» приходит весна,
Слышен голос грядущих времен...

Белокрылые стаи хрустящих газет
Говорливей соседей гостей;

Вот и в небе взметнулся полудночный свет
Отраженьем больших новостей...

В многолюдье, оттаяв,
Довольный собой,
Под расписку сдавая тюки,
Почтальон засыпает
Над книжной стопой,
Не сгибая упрямой руки.

Путь жестокий —
Пять суток сквозь стену снегов,
Пять завьюженных северных дней;
Сквозь туман — колыханье оленьих рогов
Торопливые скрипы саней.

Ошалелая выюга впадает в азарт,
Но спокойны якутские сны.
Место — город Колымск,
Время — тундровый март,
Россыпь звезд — накануне весны.

КАЛЕНДАРЬ ОЛЕНЕВОДА

Время ранних телят

Огнистые брови зажмурил глухарь,
Тетерки кряхтят на токах;
В тайгу наплывает истомная ярь,
Вскипает вода в родниках.

Сугробы густеют под настом тугим.
Все чаще и чаще капель.
И вот перелеском, пустынным, нагим,
На север приходит Апрель.

Колхозного стада счастливый пастух,
Ему говорю я: «Пора!
Полсотни ватажных моих оленух
Уже отелились вчера...»

На тоненьких ножках устойчиво встав,
Оленчики маток сосут,
Вдыхают подснежные запахи трав,
Мохнатые рыльца трясут.

Шагай поскорее, ленивый Апрель,
Пора молодого тепла!
Набухла смолистыми соками ель —
Янтарной слезой потекла.

А утром морозцы поземкой пылят...
Зиме говорю я: «Пора!

Мне надо лелеять оленьих телят,—
Полсотни родилось вчера.

Давай-ка подальше сдвигайся, Зима!
Апрель, подогрей ее, друг!..»
Ручьи принимают в свои закрома
Останки растаявших вьюг.

Пестрят на проталинах свежие мхи,
И скоро гусиный залет.
Готовьтесь в кочевья, друзья-пастухи,
Считайте ветвистый приплод!

Время летних пастбищ

С моря дует солеными ветрами,
Моховища на тундре богаты.
Кочевыми дорогами летними
Дни проходят, светлы и крылаты.

Наши выпасы — место исконное,
Изобильное тучными мхами.
Солнце, в полдень и в полночь бессонное,
Соревнуется тут с пастухами.

Свет его на песках перламутровых
Озерки отражают беспечно.
Благоденствие щедростей тундровых
Стало радостью сердца навечно.

Молодые утехи давнишние —
Летованье запомнится на год
Словно бархат, кочкарники пышные,
В желтом жемчуге кустов и ягод

Не успеешь опомниться, к осени
Подрастут и стада и деревья,
Первый дождь из задымленной просини
Позовет на другие кочевья.

Ветер с моря хлестнет в гололедицы.
Одичают быки ездовые.
Семь зрачков Поднебесной Медведицы —
Это наши огни путевые.

Время оленьих ночей

Облака навалились косматы,
Потушили зарю-завечорку.
Иглы лиственниц, ливнями смяты,
Перемерзли в хрустящую корку.

Снегу падать еще неохота.
И земля, как железо, звеняща.
Куропатки ушли на болота,
Запустела, нахохлилась чаща...

За становьями, в ночи глухие,
Перелески полны оживленья:
Бьют рога, будто сучья сухие,—
Это осень гуляет оленья.

В трех шагах от костра зги не видно:
Темь густая,— хоть щупай руками,—
И в нее провалился постыдно
Мой вожак с завитыми рогами.

Потянуло его, забияку,
На любовные игры ночные,
В эту пору, как ввяжется в драку,
Позабудет повадки ручные.

Что поделаешь, ночи-зазимки
Засевают весеннее семя...
Оленухи теперь нелюдимки,
И на пастбищах тихое время.

В первый раз после шумного лета
Пастухи и подпаски — на сборе.
Чаепитье идет до рассвета,
Трубки дружно дымят в разговоре...

Утром вышел я, вижу: пороша
Кружит белые перья над логом,
У палатки — измят и взъерошен —
Мой вожак... с переломанным рогом.

Время зимних стоянок

По следам голубых индигирских песцов
Снеговая вскипает волна.
На зубчатую стену границы лесов
Медным бубном вкатилась луна.

Он вот-вот загремит под ударом пурги
Или в тундре исчезнет опять...
Уходи под защиту матерой тайги,
На становища спеши кочевать.

Наши зимние станы закончили путь
В двадцати переходах на юг.
Можно будет оленям теперь отдохнуть,
Не пугаясь назойливых вьюг.

За спиной лесотундровых сплюсненных гор
Сторожами стоят валуны.
Бригадиры выходят в летучий дозор,
Проверяют свои табуны.

С легким посвистом лыжи вздымают носы,
Карабин наготове всегда,
И оскалили пасти клыкастые псы,
Обегая олени стада.

Росомаха до пастбищ не смеет дойти,
Пуля есть для полярных волков.
А метель запрокинулась на полпути,
Налетев на заслон сосняков.

Погляди, как спокоен на пастьбе косяк:
Словно лес шевелятся рога.
Впереди выступает гривастый вожак,
Разбивая копытом снега.

Матки вместе с телятами хрупают мхи.—
Нильче мох уродился богат.
Значит будем богаты и мы, пастухи,
Гуртоправы колхозных бригад!

ЛЕНСКИЕ СКАЛЫ

Скалы? Нет, не похоже на скалы.
Допотопные чудища в ряд
Поднимают крутые оскалы,
Всеми красками радуг горят.

Горы? Нет не похоже на горы.
Это — башни, дворцы, терема,
Колоннады, террасы, соборы,
Минареты, гробницы, дома!..

Ты мне скажешь — утесы? Да что ты
Это — стадо летучих коней,
Носороги, слоны, бегемоты..
Ты толкуешь: «Причуды камней».

Но вот это, конечно, не камень!
Это витязь с разбитым щитом
Упирается в небо руками,
Нахлобучив гранитный шлем.

Там, подальше, стоят великаны:
Опустившись по пояс в тайгу,
Иступили свои ятаганы
И оставили на берегу.

Видишь, лезвия? Здесь воевали!..
Дремлют палицы, спят бердыши.
На секирах насечки пропали.
Только копыа еще хороши!

Высоко они в небо взлетели
На уступах расколотых плит.
Сто веков и в жару и в метели —
Это ленская стража стоит.

Так-то, друг мой! А ты равнодушно
Бормотал о причудах камней.
Целый день мы глядим,— и не скучно
Пассажирам речных кораблей.

Загляделось на ленские воды
Даже солнце в янтарной броне.
Чудеса богатырской природы
В богатырской советской стране!

1945

Сангах-Тая

УТРО НА ВИТИМЕ

Ветер северный, дунь
На реку —
На Тулдуны!
На таежную гарь —
Снегопадом удары!

Тучи спят на горах,
Холодны и темны.
В ледяных валунах
Желтый коготь луны.

Ты, звезда моя, встань,
Слушай бег падунов!
Бубном бьет глухомань, —
Черный гром с берегов.

На медвежьем следу,
По расщелинам льда
Рвется в горы Тулдуны —
Голубая вода.

Ветер западный, дунь
На реку —
На Тулдуны!
Смолью пахнет сосна,
Входит в горы весна.

Родниковой водой
Разольется река,
Золотою слюдой
Заблестят облака.

Подрывая гранит,
По ущельям глухим
Водопад загремит
И сорвется в Витим.

Так и песня моя,
Голос северный мой,
Славит наши края,
Льется теплой волной.

И навстречу весне
По дорогам глухим
Наяву и во сне
Половодит Витим.

1936

Тулдунь — на среднем Витиме

СПЛАВ ЛЕСА

Пошли плоты по Ангаре.
Раздольный путь далек.
Дымясь туманом на заре,
В голубоватом серебре
Куражится поток.

Бегут плоты за льдом вослед:
Что день — то сотня верст.
Встречая северный рассвет,
Волна волне гремит привет.
Тепло несет зюйд-ост.

На Енисей уходит лед.
Нельзя, нельзя отстать!
Весна могучая зовет,
В разгаре птичий перелет..
Чтобы не запоздать!

На стрежень выйдя, чуть дрожит,
Как броненосец, плот:
В четыре яруса кряжи,—
Рулем ворочай да держи,
А он не подведет.

Спешат плоты и ночь и день..
Все ширится река.
Огни прибрежных деревень,

Болны певучая крутень...
Густеют облака.

Игарка ждет! Игарка ждет! —
Торопят маяки.
И лоцман крепче руль берет.
И догоняют ледоход
Друзья-плотовщики.

Они упорнее ветров,
Задорны и сильны,
Громады мчащихся плотов
Ведут за самой кромкой льдов,
Как вестники весны.

ОСЕНЬ НА РЕКЕ ИНДИГИРКЕ

Грузные, сизые гуси
Гулко полощут крылами.
В дымном, полунощном небе
Солнце сгорело дотла.

Зайцы полярные трусят,
Филин гнездует на камень.
Лунный, обломанный гребень
Тушит промокшая мгла.

Сентябрь поднимает погоду —
Гремучую черную воду,
Чеканит плешивые ивы
Холодным, густым серебром.

Курчавится шерсть горностая,
Песец голубеет лениво,
Медведь-рыбод на протоке
Хрустит осетровым ребром.

1934
Зимовье Гарга

ИСКАТЕЛИ МЕТАЛЛОВ

У костра-дымокура
Сохатинная шкура,
На походной треноге
Медный чайник бурлит.
Ночь глухая, сухая,
Свет зарниц полыхает.
У костра-дымокура
Экспедиция спит.

Проводник под сосною
Спит и бредит весною.
Два геолога рядом
На кошме улеглись.
А начальник усталый
Лег в траву под кустами
И не видит, как звезды
Над тайгою зажглись.

Россыпь звезд — астрономам,
Небеса им знакомы...
На земле для геологов
Есть работа своя:
Ребра гор обнажили
Самородные жилы;
Кровь металлов цветную
Перевалы таят...

У костра дымокура
Сохатинная шкура,

А на шкуре добыча:
Голубая руда,
Отраженьем рассветов —
Пестрота самоцветов,
Блеском северной ночи —
Серебрится слюда.

Каждый взлобок нагорья,
Каждый куст лукоморья
Перерыл, перешулан
Терпеливой рукой.
Молотки притупились,
Сапоги износились:
Путь отмечен на карте
Непрерывной чертой...

От зарницы к зарнице
Путь на север стремится,
Рудознатцы советские
Шли тайгой напролом;
От шумливых соседей
Убежали медведи,
И глухарки с гнездовий
Забрались в бурелом...

У костра-дымокура
Сохатная шкура,
На походной треноге
Медный чайник бурлит.
Только, надо признаться,
Крепко спят рудознатцы —
Им сейчас не до чая,
Сон над ними летит.

ФЛАГИ
НАД
МОРЯМИ

СЕМЕН ДЕЖНЕВ

Опустите бинокли!
Там каменный берег,
Там закутанный тучами
Темный, обрывистый мыс;
Там слетаются ветры из всех неоткрытых Америк
И обтаявший лед осыпается вниз.

Ясно вижу сквозь темную дымку столетий:
Над волнами ныряет дерюжный косой парусок;
Сбоку — бьется другой;
Распластался оборванный третий...
Завывает ветрище.
Пурга сыплет белый песок.

Посвинцовело море,
И неба не видно.
Надвигаются плотные, грузные льды.
Потибают суда!
Зимовать не легко и обидно:
Растеряются жизни, и чьи-то исчезнут следы.

Голод станет томить
Смерть придет — без могилы...
Поглядите! Они все идут и идут.
Видно, есть на Руси удалецкие силы!
Поговорки о них заклинаят беду:

«Удалец — не утонет».
«Удачник — не гниет»...

Леденеющей бездной,
Последней волной,
Вот на отмели эти суденышки кинет,
И тремучая гибель пройдет стороной.

Раскололись суденышки.
Жалкие кóчи,—
Долотом да топориком сшиты суда,
Но прошли, не робея, сквозь выюжные ночи,
По студеным морям залетели сюда.

Капитан-командор Витус Беринг возвышен:
Окрещен его именем русский пролив,
А казак-мореход Семка Дежнев не слышен,
Чуть не веком пораньше к Охотску доплыв.

Эй, казак-удалец,
Сын российской землицы!
Эй, Семен овет Иванович, встань, покажись!
Ишь, какой ты приземистый да круглолицый.
По плечу тебе трудная, бурная жизнь.

Ишь, какой ты!
В кафтане родного суконца,
В доброй шубе медвежьей,
В московских цветных сапогах...
Борода у тебя ярче рыжего солнца.
Взгляд... пронзителен. Речь — скуповата, строга.

У костра ты стоишь, опираясь на саблю.
Рядом дремлют товарищи странствий твоих,
Зимовать будет люто.
Ты шепчешь: «Души не ослаблю...»
(Так и я говорю себе в час испытаний лихих)

Не ослабнешь, Семен свет Иванович!

Слава

Подняла твое имя на веки веков:

Этот глыбистый берег

России держава

Закрепила границу материков.

...Опустите бинокли!

Закройте зрачки фотокамер!

Не глазами, а сердцем глядите в рассвет:

Дежнев мыс над Чукоткой поднялся и замер,

Вечный памятник русских побед.

ПАМЯТНИК ШЕЛЕХОВУ В ИРКУТСКЕ

Колумб здесь Русский погребен,
Преплыл моря, открыл страны безвестны.

*Г. Державин. «Надпись на камне могилы
Г. И. Шелехова в Иркутске»*

Шапки снять!

Здесь лежит открыватель Аляски,
Наш российский Колумб,
Полномочный наместник рубежных морей.
Два столетья о нем повторяет былинные сказки
На границе Полярного круга
Грохочущий льдами борей.

Время гложет гранит.
Изветшала плита над могилой,
Позолота померкла,
Но блещет державинский стих!
Вспоминает его Ангара, налитая стремительной силой;
Вдохновенные волны поют
О величии предков моих.

Спит кладбище.
Героевы кости истлели.
Остается нетленной крылатая юность мечты.
В заполярную ночь
У последней глухой параллели
Эту старую повесть
По-новому ты перечти.

Путь — на Север!
По мокрым снегам алеутским,
По торосистым глыбам,
На устья неизвестных рек,
Он откуда прошел —
Переулком забытым иркутским ---
На другой материк,
Заглянув в новый век.

Над Курильской грядой
Плыло солнце Полярной Державы,
А охочие люди в Охотске
Смолили морские суда,
На льняных парусах пробивались за все ледоставы,
И уже в Калифорнии
Вятский мужик становил города...

Два столетия
Огнем салютуют вулканы Камчатки,
Новоселов российских встречая
На грани старинных путей.
Острова алеутов поныне хранят отпечатки
Дружелюбных следов
Величавых и смелых людей.

Сли, Григорий Иванович Шелехов!
Почет — с тобою!
По открытым морям
На просторы весенней земли
Молодые преемники твердой и дерзкой рукою
Через Северный полюс
Еще поведут корабли.

РУССКИЕ ФЛАГИ В АНТАРКТИКЕ

Открытие Антарктиды, 1820 год

По-русскийски январь, а в Антарктике лето.
Впрочем, мало похоже: то град, то буран.
Ледяные барьеры взрываются где-то,
Черный морок слепит — океанский туман.

Чуть вода поугрюмеет, вырастут зыби,—
С парусами работа: прибавь да убавь!
Возле самых бортов стекленеют плавучие глыбы.
Материк потаенный приблизился въявь.

Вот она, становая земля Антарктиды!
В неподвижном овале подзорной трубы
Поклонились гранитные карнатиды,
И навытяжку снежные встали столбы.

Громыхнула с кормы судовая мортира;
Якоря по-хозяйски ощупали дно.
Легендарная пустошь, окраина мира,
Открывателей ты поджидала давно.

Принимай к берегам своим русские флаги!
Слушай теплую песню могучих людей!
Покорители мрака, питомцы отваги
Добрались до тебя среди льдов и морей.

Здесь российская вотчина будет огнине,
А Андреевский крест¹ станет Южным Крестом²:
Он затеплил огни в нелюдимой пустыне —
Этот свет разгорится когда-нибудь вечным костром!

Медным гулом запели навстречу утесы,
Отраженное эхо ложится во льды.
Славен флот россиян, — офицеры, матросы,
Карта Мира отметит бессмертные ваши следы.

Рейс китобойной флотилии „Слава“, 1949 год

Экватор пройден.
Солнечная лава
На крайний юг, остывшая, плывет.
В Антарктику весну приводит «Слава» —
Буксиром солнца стал советский флот.

Вослед плавучей базе китобойцы
Распашут льдистый дальний океан.
Друзья весны,
Матросы-комсомольцы,
Я вижу ваш счастливый караван.

На широте, где айсбергов громады
Шатает буря в пенных валах, —
Плывут киты,
И льются звездопады,
И Южный Крест блестит на вымпелах.

---

¹ Андреевский крест — голубой крест по диагонали на белом поле, таков был в прошлом военно-морской флаг России

² Южный Крест — крупнейшее созвездие, видимое в Южном полушарии.

И под созвездьем этим — словно дома —
Советский гимн
Я слышу с кораблей.
Окрайна мира издавна знакома
Друзьям весны — хозяевам морей.

Удачный путь вам,
Труженики моря!
Да будут с вами ведреные дни!
Добычу прибылую гарпунёра,
Вы в темном океане не одни.

Чужие ветры мчатся над волнами,
Оскалился разбитый бурей лед.
Но с вашими сигнальными огнями
На вахту славы
Родина встает.

НАВИГАЦИЯ В АРКТИКЕ

Тяжелый шаг линейных ледоколов
Пробил дорогу транспортным судам.
И вот уже у пристаней и молов
Бурлит в камнях зеленая слюда;
И вот уже над тундровой равниной
Яснеет неба дымчатый сапфир;
В радиорубке клекот журавлиный,
А наш радист «врывается» в эфир.

— Что там?

— Да что, брат, свистопляска.

Шестнадцать станций сразу говорят!
Прогноз погоды требуют из Спасска,
Охотск оглох,

С Якутией — разлад...

— Ну, ничего, сейчас их «вгонят» в нормы.

Что караваны? Вышли? С двух сторон?

— Идут, браток! На западе сквозь штормы,

А на востоке — льдам наперегон.

Идут. Сюда!..

Я слышу их в эфире,

Я вижу их в разбуженных морях:

Рыбацкие становья на Таймыре

Позолотила теплая заря.

Зимовки, принаряженные к встрече,

Нетерпеливо бодрствуют и ждут;

Маршрут давно проверен и размечен.

Труби, прибой, труби! Они идут.

Плывут большие наши караваны.
А с ними жизнь сама плывет сюда,
Весенний свет неся через туманы
В арктические бухты, в города,
В поселки наших первых пятилеток.
Где новые зарницы поднялись,
Где вологжанин, мой далекий предок,
Открыл вот этот Зыблющийся Мыс,—

А он незыблем. Зыбко только море,
Но берега отечества тверды.
И мнится мне, истаяли в просторе
Тяжелых лет расколотые льды.
На полюс тянет айсбергов остатки.
А в Заполярье флагов бирюза,
И от Архангельска до гаваней Камчатки
У маяков затеплились глаза.

И от Чукотки к Мурманску с рассветом
Сигналят рейды, станции, посты.
Главсевморпуть, командующий летом,
Несет для нас ожившие мечты.
За журавлями следом самолеты
Над головами нашими летят,
И скоро-скоро солнечные соты
Горячим медом тундру напоят.

АРКТИЧЕСКИЙ ПОРТ

Отбив атаку мутного прибоя,
Стеной гранита поднят волнорез.
Знакомый флаг на мачте китобоя
Летит под сводом низеньких небес.

Частенько тут спасаются в отстое
Захваченные бурями суда.
На побережье, некогда пустое,
Глядит, дивясь, Полярная звезда.

Еще причалы камнем не обуты,
Вода глотает щебень и бетон,
А к нам уже проложены маршруты,
Вступает в строй арктический затон.

Мы ставим порт у самой дальней грани,
На стыке вновь открытых берегов,
Где по утрам мираж рассветной рани
Мостит пролив кусками облаков.

Мы ставим порт — приютом и заслоном
От штормовых внезапных непогод.
Под этим тусклым, темным небосклоном
Не заскучает больше мореход.

На край земли, к распахнутым воротам,
На перекресток сумрачных морей,
Выходят в рейс по северным широтам
Флотилии советских кораблей.

Дорога их по дедовскому следу,
По маякам постов передовых,
Где, трудовую праздную победу,
Зажглись сиянья бухт сторожевых.

И новый порт войдет в сиянье это,—
Его огнями льды озарены;
Дыханьем нашим будет обогрето
Строительство окраины страны.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ

Вот какое ты!
Огромное,
Неприветливое, темное;
Ветром полюса взбаламучено,
Будто судорогой скручено.

Вечно зыблемое шквалами,
Ты грозишься льдами тальми;
Берега твои бескрайние,
Редки гавани случайные.

Но прекрасно, даже гневное,
Ты, седое море, древнее,
Шапкой облачной покрытое,
Даже летом — ледовитое.

Люди русские, — всегдашние, —
Наши прадеды бесстрашные
Из холстины парус ставили,
На судах дощатых плавали;

Зимовать на берег чалились,
Не робели, не печалились, —
Проторили тропы правнукам,
Молодым друзьям-полярникам

Имена их светят скромные,
Словно звезды в ночи темные —

Маяки, сигналы, пристани,
Обозначенные исстари.

Здравствуй, здравствуй, море древнее,
Неприветливое, гневное!
Мы твоей волной умоемся
И еще с тобой поборемся.

Бейте в глубь дороги вольные,
Караваны ледакольные!

1944

ПО СЛЕДАМ БЕРИНГА

Плыву туда, где Беринг плыл,—
На рубежи,
Где в полночь солнца свет застыл
В морях чужих.

На стыке двух материков
Тумана нет.
Под парусиной облаков
Лучится свет.

Мне померещился вдали
Тяжелый бот.
Быть может, Беринг корабли
Опять ведет?

Быть может, Дежнева суда,
Навстречу мне,
Под ветром тянутся сюда
В крутой волне?

Нет, это новый караван
В советский порт,
Перевалив меридиан,
Ведет эскорт.

Два ледореза впереди
Взметнули флаг.
Дана команда: «Подходи,
И следуй так».

Зарокотали дизеля.
Вперед, вперед!
Большая русская земля
Сигнала ждет.

Радист у нас не говорлив.
И вот ответ:

— Проходим Берингов пролив,
Отставших нет...

Отставших нет. Проверен путь.
Не нужен лот.
На всех путях удачлив будь,
Советский флот!

1945

ПОДЪЕМ МОРСКОГО ФЛАГА

Корабельное время пришло на побудку,
Заливается боцманский свист:
Старый друг мой рокочет неистово в дудку,
По утрам он всегда голосист.

Вишь, как рывкнул у самой каюты!
Это значит, чтоб я не проспал,
Чтоб одеться успел за четыре минуты
И к поднятию флага попал.

Повинуясь порядку большого похода,
Торопливо бегу на корму,
Где упругие волны с бортов парохода
Снеговую трясут бахрому.

Море нынче в зыбучем, слоистом тумане,
И опять запоздала заря.
Только боцманский свист никогда не обманет,
И вставал я — так рано — не зря.

Как торжественны люди на вахте рассветной!
Вот ударили склянки. Гляди...
На железную мачту, родной и заветный,
Поднимается флаг впереди.

Он над судном парит золотыми огнями,
Герб Отчизны могуче подняв,
Он, как солнце, свободно проходит морями,
Непогоду в пути обогнав.

Потому-то торжественно замерли люди
И у всех потеплели глаза.
Никакая пурга нас теперь не остудит,
Никакая не сломит гроза.

Поднят флаг.
А заря, как всегда, поздновата.
Хлещет ветер знобящей струей.
В этот час сухопутное сердце солдата
Побраталось с матросской семьей.

БЕЛАЯ НОЧЬ НА ЧУКОТКЕ

Серебряные тучи.
Эмаливые горы,
Береговых излучин
Чеканные узоры.

Я полон недоверья:
Ужели полночь это?
Но облачные перья
Не потеряли света.

А на часах двенадцать.
И где-то дремлют люди,
И сны кому-то снятся
Такие ж, как повсюду...

Мне третью ночь не спится.
Гляжу замороженный:
Чудесный свет лучится,
Бессмертием рожденный.

В теплеющем заливе
Заснувшего китенка
Волна неторопливо
Качает, как ребенка.

А дальше мать-китиха,
Полна большой заботы,
Фонтан пускает тихо
Под синие высоты.

С волною вместе лодки
На отмели вкатились,
И вот земля Чукотки,
К которой мы стремились.

Мой брат или мой пращур
Не знаю, кто встречает,
А сердце бьется чаще
И другу отвечает.

Нам радостны приветы
Полночной этой жизни,--
Не ею ли согреты
Окраины отчизны?

Чукотские просторы,
Задымленные кручи,
Эмалевые горы,
Серебряные тучи.

1945
Мыс Кузугуиди

ЛЕДОВОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Серые мокрые птицы
На борт садятся рядами.
Тусклое море дымится,
Сжатое грузными льдами.

Сея, колючие иглы,
Тучи темны, как берлоги.
Ранняя осень настигла —
Пройдено лишь полдороги.

Тяжко вздыхают машины,
Гулко прохочет железо:
Рвет голубые плешины
Вздыбленный нос ледореза...

В бочке, на мачте гудящей,
Вахту несущую ледовую,
Словно бы в люльке висящей
Мчусь в пустоту штормовую.

Льды, и разводья, и тучи
Видно отсюда, как с горки.
А в телефоне хрипучи
Штурмана скороговорки:

— Как там?

-- Да так, ледовито...

— Ладно идем?
— Без сомненья...
Мачта гудит басовито,
Судно полно нетерпенья.

Мне хорошо в непогоду:
Вахта на бочке — по нраву.
— Ходу, товарищи, ходу!
Нас не догнать ледоставу.

БОЛЬШОЙ ДИОМИД

Эскимосское стойбище. Ветер.
Океанский медлительный вал.
Горизонт по полуночи светел.
Не во сне ли я все увидел?

Многоликие идолы-горы.
Разноцветные камни-столбы.
На песках травяные узоры
И тюленьих лежанок горбы.

Пахнет морем солено и пряно.
Зверобой сидят у костров.
Это племя детей океана —
Обитатели двух островов.

Слушай, слушай! Ударил винчестер,—
То меня подзывают к кострам:
Дескать, если охотился вместе,
Ты не гость, а хозяин здесь сам.

Что ж, обычаем славна охота.
Два котла остывают в песке.
В знак, должно быть, большого почета
Мясо мне подают на доске;

Вилки мы заменяем руками.
Но завиден у всех аппетит!
Чашка спирта распита глотками.
— Здравствуй, остров Большой Диомид!

Любы мне твои яркие краски.
Неотрывно гляжу в океан:
На мысах недалекой Аляски
Истлевает вчерашний туман.

Говорят, тут проходит граница
Между прошлым и нынешним днем¹.
Этот остров в проливе, как птица,
Озарился рассветным огнем.

И недаром сюда эскимосы
Приезжают с чужих берегов,—
Здесь долларовой взятки не спросят,
Кочевых не ограбят шатров.

Кто свободную землю увидел,
Не вернется в туманную тень.
На советском Большом Диомиде
Начинается завтрашний день.

1945

---

¹ Между островами Большого Диомида (СССР) и Малого Диомида (США, в Беринговом проливе проходит наша государственная граница и международная граница дня.

КОМАНДИР ЛЕДОКОЛА

Будь я скульптором, честное слово,
Изваял бы его фигуру.
И гранит, может быть, сурово
Вплотил бы в себе натуру...

Вот он встал у командной рубки,
В задубелом морском кожәне.
Горьковатым дымком из трубки
Потянуло в ночном тумане.

Седоватые брови хмуря,
Он читает радиосводки,
Где обещаны снова: буря
И сплошной ледогон с Чукотки.

Командиру это не в диво.
Пепел трубочный выбив за борт.
Принимает он терпеливо
Новичка аварийный рапорт.

Новичку первый рейс — не шутки,
И на сердце, ей-ей, тревожно.
Дрейф идет уже третьи сутки.
Зазимует? Да разве можно?

Трое суток рычаг турбины.
На винте обломилась лопасть,
Под кормой громыхают льдины
И бездонная бьется пропасть.

Меднолицый, широкоскулый
(Острый глаз в голубом накале)
Командир наш, всегда сутулый,
Распрявился вдруг на аврале,

Словно вырос он как-то сразу.
Даже поступь потяжелела.
Всё послушно его приказу —
Он хозяин души и тела.

Все живое на ледоколе
Поднял дух командирской силы.
Подчиняясь могучей воле,
Вахты смен себе не просили.

Мне теперь будет долго сниться
Дрейф ночной возле скал Чукотки:
Мокрый ветер и снег на ресницах,
Луч прожектора,
Скрип лебедки,

И высоко, над верхней рубкой,
Я увижу и через годы
Силуэт человека с трубкой —
Победителя непогоды...

РАДИОПОСТ

Четыре домика вдоль берега
Мы нашей улицей зовем.
Ночное солнце моря Беринга
Земле не даст тепла взаем.

Здесь в сентябре зима нечаянно
Сугробы сыплет, как холмы,
И ветер полюса отчаянно
Ткет паутину полутьмы.

Сначала мы скучали истоиво,
Хандра такая, хоть давьсь.
Потом знакомцами, радистами
В эфире все обзавелись.

Родилась дружба, пусть заочная,--
Но и она нам помогла.
Казалась Арктика Восточная,
В таком содружестве, тепла.

Мы обживали место новое
(На карте — гиблый уголок).
И небо слишком тут суровое,
И ветер чересчур жесток,

И много было пота пролито
В почти немислимый мороз...
Зато горячим нашим опытом
Согрет арктический форпост.

Все нам родное стало, кровное:
И низкий берег, и дома,
И море мутное, огромное,
И даже чертова зима.

Мы и ее переупрямили!
Уже не год, а скоро пять,
Мы не замерзли и не замерли
И остаемся весновать.

ПОЛЯРНЫЙ ЗОВ

Думы, думы мои, смутьяны.

Вы приходите

каждый год.

Горный ветер с верховьев Яны

За собою к морям зовет.

Теплой песней, еще не петой,

Похваляются журавли.

Как противиться

силе этой

Полюбившему край земли?

Пароходы уже — в проливах.

Самолеты штурмуют высь.

На дорогах весны счастливых

Все друзья мои вновь сошлись.

Среди полночи утро встало.

Факел солнца

неугасим.

Разве мне отставать пристало,

Старожилу полярных зим?

Нет, и я попрошу путевку,

Инвалидный листок верну:

Пусть назначат меня
  в зимовку.
Чтоб я снова узнал весну.

Чтобы ветер с низовьев Яны
Журавлям подпевал за мной.
Чтобы думы мои, смутьяны,
Всколыхнули простор земной.

ВСТРЕЧИ
С
МУЗОЙ

РЕЧКА ПОЛЕДУЙ

Наши девушки гуляли,
Песней душу забавляли,
Говорили спящей речке: «Полелуй,
Полелуй скорее, речка,
День весенний недалечко,
Просыпайся, разливайся, Полелуй!..»

Речка в день весны вставала,
Разливалась, ледовала,
Торопилась погулять за берега.
Лед зеленый, синий, белый,—
Словно мед цветистый, спелый —
Растекался на елани и лога.

Этот лед не скоро стает.
Но с ним рядом вырастает
Разузоренный, неведомый цветок.
Он бутоны распускает,
Теплым кружевом сверкает
Синевато-серебристый лепесток.

В речку тот цветок глядится.
С нсю именем роднится,
И зовут его девицы — «полелуй».
Полелуй — цветок привета,
Радость северного лета,
Подарили мне на речке Полелуй.

Если грусть туманом ляжет,—
Поледай,— мне сердце скажет,—
Путь твой будет по-весеннему широк
А когда растают льдины,
Сгинут горькие години,
Песня вырастет как радостный цветок.

1945

Якутия

ВЕСНА В БУРУЛЬЗАВЕ

Белокрылой птицей над горами
Предвесенний, радующий день...
Молодыми острыми рогами
Постучался в юрту мой олень.

Выхожу, а солнце мне навстречу
Протянуло теплые лучи.
— Здравствуй, друг мой,— солнцу я отвечу,
И олень копытом застучит.

Положу седло по кумулану,
Кушаком заправлю голубым,
Порекину за плечи бердану
И поеду в гости на Витим...

Там живет хорошая, такая —
Поневоле можно полюбить:
Соболиной бровью засверкает,
Как увидишь,— долго не забыть.

Вот приду и встану на пороге,
Расстелю цветистый кумулан.
Если ей со мною по дороге,
То с женой приеду на суглан.

Подарю ей шкуру горностая,
Коготь рыси, лебеда крыло,
Чтобы, вместе с песней вырастая,
Наше счастье солнцем расцвело.

1936

Поселок Бурульзай в Витимской тайге

МАЙ—МЕСЯЦ ЛЮБВИ

Бурый мех горностаи
Прячут в сутемь ложбин,
Осетровые стаи
Поднялись из глубин.

На кедровнике почки
Надлись теплотой.
Топчет ржавые кочки
Мой олень молодой.

Путь на север, в кочевья,
Вешний ветер промял:
Расступились деревья,
Снег в сугробах опал.

Лебединые крики
По утрам горячи,
Через хвойные пики
Солнце тянет лучи.

Солнце тянет высоко
Золотое перо.
Твой костер недалеко,
Твой шатер под горой.

Полюбить не прикажешь:
Или он, или я...
Что сегодня мне скажешь,
Северянка моя?

Витимская тайга

КРАСНАЯ СМОРОДИНА— ТУНДРОВЫЙ ВИНОГРАД

Июль! Но и не мыслится,
Что это — краски лета.
Одна лишь только кислица
Румянцем подогрета.

Все остальное бледное,
Невидное и темное.
Не то чтоб вовсе бедное,
А просто — очень скромное.

Ползучие лишайники
Зыбучи под ногами.
Высокие кочкарники
Бодаются рогами.

У тундрового озера
Моя узорнолистая
Поспела, светло-розова,
Смородина кустистая.

Всегда холодноватая,
Полярная услада,
Немного кисловатая,
А слаще винограда.

Не обижайся, милая,
Ты тоже, словно кислица¹,

---

¹ Кислица — так на всем севере зовут красную смородину.

Целуешься остылая,
Сердитая капризница.

Не первый год супружеству:
Остыть, конечно, надо.
А все ж, скажу по-дружеству.
Ты лучше винограда!

СЕНТЯБРЬ — МЕСЯЦ РАЗЛУКИ

Лиственница расцветила иглы
Желто-багряным цветом.
Счастья мы не достигли,
Милая, этим летом.

Ветер поет в ущельях,
Снег осыпает горы.
Осень на новосельях
Вяжет свои узоры.

С инеем первым вместе
Смотришь ты по-чужому.
Слышу плохие вести:
Сердце отдашь другому.

Цепким стальным капканом
Ревность меня сдавила:
Было ли все обманом,
Или ты разлюбила?

В юртах идет укладка
В зимние кочеванья.
Как я скажу украдкой
Горькое «до свиданья»...

Птица простилась с летом,
Белка ушла в низину.
Осень своей приметой
Тянется к Баргузину.

1931
Усть-Баргузин

ЗИМОВКА НА ОСТРОВЕ УЕДИНЕНИЯ

Ты теперь далекó.
И мне трудно поверить, что ты существуешь.
Что на свете есть город и в городе дом,
Где ты пишешь мне письма,
Что будто бы ждешь и тоскуешь,
И тоскуешь всегда обо мне, об одном.

Здесь так тихо.
И ночью мне слышно, как падает иней,—
Он стучит за окошком сильнее градин.
Тишина словно купол висит над угрюмой пустыней.
Я ночами не сплю. И со мною всегда карабин.

А чего здесь бояться?
Кругом тут ни зверя, ни птицы.
Третью зиму не вижу
Хотя бы песцовых следов.
Только в небе трепещут узорные сны-небылицы,
Не сгорая пылают осколки мерцающих льдов.

Тосковать здесь нельзя.
А скучать и совсем невозможно.
Лишь весной, когда ураганы сурово трубят,
Я никак не пойму,
Отчего иногда мне уж слишком тревожно?
Не с того ли, что я — постарев — забываю тебя.

Лучше ты и не жди.

Возвращаться мне было бы трудно.

Я люблю эту землю, окраину светлой страны.

Здесь полгода темно. Но желанье мое безрассудно:

Приезжай! Может быть, мы остались друг другу верны?

1945

Якутия

КАЛИСФЕНА

Калисфена!
Греческое имя,
Как на север ты сюда попало?
Почему судьбой неотвратимой
Поперек всей жизни мне упало?

Не гречанка, кровная якутка,
В этой бедной юрте старжила
Ты скромна, лесная незабудка,
А меня совсем заморозила.

С чем тебя сравню я, Калисфена?
Как слепой, глаза свои закрыл я.
(Черных кос мерцающая пена,
Теплых рук распахнутые крылья).

Говорят, что больше нет шаманов.
Ну, а ты, полярная гречанка,
Дочь тайги и тундровых буранов.
Ты моя прекрасная шаманка.

Я не знаю, как ты колдовала.
Только слышу: сердце бьется чаще.
И душа опять затосковала
О любви хорошей, настоящей.

В этой бедной юрте старжила
Позабылась горькая измена.
Ты о счастье мне наворожила.
Может быть, не поздно, Калисфена?

АМУЛЕТ

Я стоял, подзывая оленя,
Нахлобучивал на лоб шапку,—
Подошла ко мне Калисфена.
Протянула... заячью лапку.

Это что еще за чертовщина?
Рассердился я даже сначала.
— У тебя нынче лоб в морщинах,—
Калисфена мне отвечала,—

На, возьми, и разгладь, мой милый...
Усмехнулась, поцеловала.
Непонятной какой-то силой
Эта заячья лапка стала.

В темной тундре я не тоскую,
Улыбаюсь ночному свету.
И любовь я знаю такую,
У которой ревности нету.

Свищут выюги на океане,
Спит пустыня, глуха и зябка.
Мне тепло. У меня в кармане
Амулет мой — заячья лапка.

Пусть мне скажут, что суеверен.—
Проведу по лицу украдкой.

Я причудам любимой верен.
Поцелуй ее помню сладкий.

В жизни горечи очень много,
А соленого даже слишком.
Пусть меня не осудят строго,
Что опять становлюсь мальчишкой.

Все морщины мои пропали,
На затылок сдвинута шапка.
И во всем (вы поймете едва ли)
Виновата заячья лапка.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Почему ты, милая, не веришь?

Растворились облачные двери,
Распахнулись звездные палаты —
В них цветы прозрачные крылаты,
В них гуляют птицы-голубицы,
Полыхают зори-багряницы;
На столбах червленые узоры
Поднялись в лазоревые горы, —
Высоки широкие палаты,
Терема небесные богаты...
Вот закрылись облачные двери.

Почему ты, милая, не веришь?

Я люблю тебя и не скрываю:
Сотню лет тебя я поджидаю.
Ты моя заветная жар-птица,
Молодая радость-чаровница.
Я тебя искал по белу свету,
Сомневался, думал даже: нету.
Никогда бы мне не догадаться,
Где с тобою можно увидаться.
Возле льдов ночного океана
Ты жила, девица Несмеяна.
Пусть же сердце сердцу отвечает,
Север нас сегодня повенчает.

Почему ты, милая, не веришь?

Вот открылись облачные двери,
Фонари сверкнули слюдяные,
Поднялись завесы расписные,
Зацвели жемчужные дубравы —
Серебристо-розовые травы;
Золотой ручей ударил в тучах,
Поднялся шатер на синих кручах,—
Там с тобой мы будем только двое,
Погляди в сиянье огневое,
Торопись, сейчас сомкнуться двери.

Почему ты, милая, не веришь?

ВСТРЕЧА С МУЗОЙ

Деревянный городок,
Говорят, что ты далек,
Что тебя однажды в год
Навещает пароход.
Кто бы что ни говорил,
Ты мне сердце покорил
И во сне и наяву
Каждый год к тебе плыву.

Только с гор спадут снега.
В зелень спрячется тайга,—
Деревянный городок
Слышит рейсовый гудок.
Я на пристань не схожу,
С белой палубы гляжу,—
Много встречных, теплых глаз
Улыбалось мне не раз.

Лишь глаза любви моей
Были льдинок холодней:
По-мальчишески несмел,
Я напрасно в них смотрел.
Эта женщина одна
В целом свете мне видна, -
Некрасива, но горда,
И совсем не молода.

На высоком берегу,
Словно лебедь на лугу,

В белом платье с кушачком,—
На меня глядит молчком.
Глаз не смея отвести,
Я на палубе грустил.
Протянуть бы руки ей.
Сказке северной моей...

Полчаса — короткий срок.
Распрощается гудок,
Сердце жалуется, ждет.
Но уходит пароход...
Вот и пристань далека,
И пустынное река,
И закутался в дымок
Деревянный городок.

1945
Олекминск

КАРБАС НА ПЕРЕКАТЕ

Я зазевался на корме.
Передо мною, в полутьме,
Как бы поднявшись к облакам,
Клубилась дикая река;
В просторе мчащейся воды
Закат гасил свои следы.

И вдруг — удар! Гремучий треск!
Волны обрушившейся всплеск.
Скрежещет дно. Борта скрипят.
Свиреп проклятый перекат.
Мой спутник сразу побледнел:
— Ты что же, друг, куда глядел?

— Куда глядел? Туда... вперед!
Но спутник яростно берет
Из рук моих тяжелый руль:
— Ну, ты не вовремя заснул,
Беды бы не случилось, брат.
Опасен этот перекат...

Опасен, да?.. Гремит волна,
Влетает в лодку к нам она.
Клыки зазубренных камней
Сожмнулись вокруг еще тесней.
Сейчас раздавят.— Эй, весло!
Держи покрепче! Пронесло?

— Да, пронесло!..
И в жизни так:
Просмотришь путеводный знак,
Раздумаешься невпопад.
И налетишь на перекат.
Тогда верней держи весло,
Чтоб через смерть перенесло.

1945
Ленские пристани

ОКНО В НЕБЕ

Кооматые тучи, как шкуры медвежьи.
На Лене студеная рябь.
А горы скучают
В морозном бесонежьи,
И птиц угоняет сентябрь.

Весь день торопливые стаи мелькают,
И в криках прощальная грусть,
Как будто они и меня зазывают.
Но я... зимовать остаюсь.

...Закат в этот вечер был вовсе не виден,
Совсем становилось темно.
Глядел я на небо в жестокой обиде.
А в небе открылось окно.

Окно золотисто-лазоревой дали,
Ступенька к порогам высот,
Улыбка, которую больше не ждали,
Надежда,
Что сердце несет.

И пусть лишь недолго окошко светлело,
Пусть тучи сомкнуться прозят:
Мне кажется, будто в тайге потеплело
И птицы вернулись назад.

В тяжелые дни, сквозь заботы и горе
Откроется счастья окно,—
Взгляни на него, как в широкое море,
Где плыть и тебе суждено.

1944
Жигалово

ПРОВОДЫ ДРУГА

Б. ДОЛГИХ

По широкому Енисею
Ветер гонит туманный след,
Заполярному Одиссею
Улыбается рассвет.

Рыжеватое утро встало
На излучинах берегов —
Чахлой ивой да черноталом
Лесотундровых островов.

Там, на Хатанге, ждут олени,
Тонкорогие вожакИ.
От кочевий до поселений
Путь-дороженьки далеки.

С пароходным гудком разлуки
День тускнеет береговой,
И разорваны наши руки:
— До свиданья, товарищ мой!

Ты пройдешь знатоком пустыни
В неизведанные края.
Под тобою протаюТ льдины,
Но не дрогнет душа твоя.

Твердоглазый и смугловатый,
Ты пойдешь за полярный круг

Новым рейсом --- в набег крылатый --
Победителем темных выюг.

И жогда тебя окроют ветры,
Ты почувствуешь, как близка
Через чаши и облака,
Через тысячи километров
Дружбы ласковая рука.

1935
Красноярск

БАЙКАЛЬСКОЕ СЕРДЦЕ

МАРКУ АЗАДОВСКОМУ

Говорят, Байкал — седой!
Ты не верь,
Он такой же молодой
И теперь.

Это ты, мой милый друг,
Стал седеть.
И тебе уж недосуг
Песни петь.

Острова лазурной мглы
Далеки.
Стали весла тяжелы
Для руки.

В бурю парус озорной
Не поднять.
Серых чаек над волной
Не догнать.

Постарели мы с тобой
Навсегда.
Но шумит, поет прибой.
Бьет вода.

Молодой трепещет шквал
В устьях рек...

Дышит вечностью Байкал
Сотый век.

Погляди же на него,
Будь таким,
Волей сердца своего —
Молодым.

Нашим мужеством сильна,
Жизнь зовет.
Пусть же в душу седина
Не пройдет.

1941
Ст. Байкал

Быть попутну ветру от большой горы,
Погонять лодейны-пáрусы в Колымгород.
Задуйте напролом-впрямик ветры:
Мореходки,
Мои лодки —
Милы шкиперы.

Сиговье везет рыбака да белорыбицу.
Омулье везет протоками.
Колыма-река — кормилица.
Гулевая да глубокая.
Колыма...

Плясовая
(*Нижнеколымка*)

Вечор выйду на́ берег,
Лед ломится за́ берег.
Солнце к ночи не зайдет,
На Колыме ледоход.

С вѣтра, с поворота ли
Протаяли прѳтали,
Талые проталины
Сели на завалины.

Гуторят в полнебе птицы,
В четверть неба пух дымится,
А в последней четвертине
Быть удачливой путине.

Наши лодки моются,
Паруса готовятся,
Весла охрой крашены,
Сети принаряжены.

Рыбаченька, молоденька,
попляши
Молодому, удалому
помаше.

Помаше платочком алым.
Чтобы парни не отстали.
Саложком притопни новым,
Каблучком подкованным.
Рыбак молодой —
становись!
В кушак голубой —
затянись!

В лад баяны запевают,
Плясуны не отдыхают,
Грянула нижнеколымка:
Прощай, зима,
Прощай, зимка,
Дрема снеговая!
Подошла весна —
Веснянка,
Весна молодая...

Вечор выйду на́ берег,
Лед ломится за́ берег.
Солнце к ночи не зайдет,
На Колыме ледоход.

Гадальная

Встану ўтресь —
на ветру́,
Зорюшку оглядываю,
По гусиному перу
Гадаю-загадываю.

Поднимает ветровей
Белые пушинки,
Привезут по почте мне
Дальние новинки.

Кружит, кружит высоко
Перья голубые:
Едет кто-то незнаком,
А глаза родные.

На волну бросает ветер
Мою пуховину:
Это верная примета —
Ехать на чужбину.

Вот последнее перо
На ветру пропало.
Угадать бы не хитро,
Только пользы мало.

Мою девичью игру
Зорюшка поглядывала,
По гусиному перу
Гадала-загадывала.

Девушка с бубном

Буен
Бубен
    мой шаманнй,
    голос мой,—
Два конца
    (да)
Два кольца
    за тетивой.

Перетянутый,
Нагретый, огневой

Загудел мой бубен
Кожей китово́й...

Ударила вьюга — белый шум...
Засыпала вьюга черный чум...

На четыре снега — четыре лисы
Подняли с разбега цветные усы.

По белому зимнику серебряной лис.
По рыжему дымнику — красный лис.
По синей метелице — лис голубой,
По моей постелюшке — черно-бурой...

Седые хвосты
На бубен вяжу,
Цветными мехами
Себя обряжу.

За тундрой пробрезжило
В первый свет.
Ударила в бубен —
Вьюги нет.

Серебряная шкурка — от батюшки весть.
Краснобока шкурка — от матушки честь.
Голубая шкурка — от братушки лесть.
Чернобура вороненая —
Подарочек нареченнова...

Ударила в бубен —
Ночи нет.
За морем просветило
В третий свет.

Кольцы пробряцали ---

Тетивой...

Остывает бубен --

Голос мой.

Беглая жена

На забрегах Индигирки-реки
Болоты(да) лайды темны, глубоки,
Темны, глубоки(да) моховищами,
Ягельями, брусняками, луговищами.

Богаты олени
На тундре живут,
Рогаты олени
Ягельник жуют...

Заарканю двух ватажных быков,
Догонять поеду наших рыбаков,
Заарканю двух лобастых оленух,
Догонять поеду беглую жену.

Не хотела с пастухами
В тундре жить;
Захотела с рыбаками
Потужить...

Как увидит, что приехал я на устье,
Будет знать, что муж беглянку не отпустит.
Как увидит, что любовь моя со мной,
Приласкает и воротится домой.

ЗА
ВЛАСТЬ
СОВЕТОВ

КЕШКА БЕДОЛАЗ В ПАРТИЗАНЫ ИДЕТ

Горький дым самосада,
Брезжит лампочки желчь.
В крутобоких зарядах
Дремлет волчья картечь.

На простенке — бердана,
Рыболовный багор
И, как сталь ятагана,
Голубеет топор.

На столе — опояска
Запыленных гранат...
Баба смотрит с опаской:
Вдруг они загремят?

Сухари уложила,
Калачей напекла;
Всю неделю тужила,
Слез унять не могла.

Колчаковские волки
На деревню идут;
Кулаки втихомолку
Смертный список ведут.

И по этому списку
Самый первый как раз —

Кешка, сын Феоктистов,
Лесоруб Бедолаз.

— Не уедешь — пристрелят.
А уедешь — куда?..
Собирая постели,
Баба шепчет: «Беда».

Отрываться не сладко
От родного тепла,
Помыкаться укладкой
Без двора, без угла.

Полночь бьет на задворках,
Час попутный, пора.
Кешка щурится зорко:
— Быть в тайге до утра!..

Баба в голос заныла,
Слезы бабьи теплы.
Поглядела уныло
На пустые углы:

— Иннокентий, куда мы?
Лучше здесь помереть!..
Снег шипит под ногами,
Ночь темна на дворе.

Там в саях по порядку,
Немудреный запас,
Опоясал укладку
Ремешок-самовяз.

Ветер рывкнул сердито,
Но последним гвоздем

Двери плотно забиты:
— Будем живы — придем!..

Заскрипели полозья.
— Дом отцовский, прости...
Ночь темна и морозна,
Месяц в тучах грустит.

ПАРТИЗАНЫ

I

Лиственный лес — пестрядина.
Стынет снегов бирюза.
    Каждая падь — пропадина:
    Тайный приют партизан.
Кличут кедровки с досады,
Сосны тревогой гудят:
    В каждом ущелье засады,
    В каждой ложбине отряд.
Медным охотничьим рогом
Ночь зазывает в налет.
    Флаг над медвежьей залогой
    Раннее зарево льет,
Грузные тучи с востока
Ветер несет за моря.
    Где-то далеко, далеко
    Встала большая заря.

II

С запада — враг!
И с востока — враг!
Солнце на полночь.
Мороз. Мрак.
Снежные деревья
Сучьем стучат,
Дремные деревни
Горят в ночах.

Ходит по Сибири
Метель-пурга;
Кровью по Сибири
Цветут снега.
Вот она какая
Чалдонья жизнь:
Если испугает,
Пластом ложись;

Если не боишься,
Бери ружье;
Если не боишься,
Иди с ножом,
С холоду
Да с голоду
Шагай смелей...

Песню пели смолоду:
— Жизнь не жалей...

Жизнь не жалей,
И цена ей — грош!
Жизнь пожалел,
Под ярмом умрешь...

Деды — каторжане,
Отцы — варнаки;
Дети заряжают
Дробовики.
С хлебом и солью
Семьей в тайгу,
По снегополью
В метель, в пургу.
Легок в лесах

Партизанский шаг.
С запада — враг
И с востока — враг.

III

По следам горностаев
Через горы ходили,
Бородой обрастали
Из серебряной пыли.

На снегу отдыхали,
Умывали в зарницах
Ледовитым дыханьем
Опаленные лица.

У костров, на привале,
Под кедровой грядю
Сухари запивали
Родниковой водою.

Сквозь лесные яруги
В боевой канители,
Как летучие вьюги,
Лыжным бегом летели.

Пулеметчики были!..
С красным бантом папахи,
Щеки стеклышком брили,
Чтоб любили девахи.

Пулеметы на нартах,
След в сугробах струится.
Как ударят с азартом —
Только снег задымится.

В перестрелках шалели,
Бога крыли ядрено.
Жизнь свою не жалели,
А жалели.. патроны.

Молодые ребята...
Беспощадное время...
По две бомбы на брата,
Пика вставлена в стремя.

С тылу белым заедут,
Распугают обозы
И умчатся без следу,
Как таежные козы.

А в гористых ухабах,
На гремучих низовьях
Партизанские штабы
Заседают в зимовьях.

И оттуда по миру
Песня грянула всюду:
— В партизанской Сибири
Наших дел не забудут!

ЗИМНИЙ ТРАКТ НА БАРГУЗИН

I

Белые совы кричат: «У-гу!»
Горы стоят до колен в снегу.
Кедры распялились — в три обхвата.
Дикая падь напролом измята,—
Сотни следов по тропам бирючьим
Сквозь бурелом, по кустам, по сучьям.
Так начинается тракт к Баргузину:
Через голец, за тайгу, в низину.

...Вечер январский метелит хмуро,
Сумрак в полнеба — медвежьей шкурой,
Слушая ветра залиvistый вой,
Старые сосны трясут головой.

Рыжая рысь на высоком суку
Лижет горячую шерсть на боку;
Лижет и слушает ухом тревожным,
Как поднимается логом таежным,
Как по ледяшкам подковой звенит
Дробная поступь тяжелых копыт.

Ветер холодный гремит с перелога,
Через голец завалилась дорога,
Вправо пошла напроход, в Баргузин,
Влево свернула снегами низин.
Там, на угорье, четырнадцать елок,
Ключ Безымянка и старый поселок...

Голог шодков подвигается ближе
 Под гору ломится тулкая скачь.
 Рысь на суку опустилась пониже,
 Вздогнул игольчатый стылый кедрач.

Тучи раздвинули сизую пену,
 Конный разведчик привстал в стремях;
 Перекатившись за горную стену,
 Выплыла синяя птица — луна.

Всадник в седле покачулся, как пьяный.
 Конь задрожал и рванул на дыбы:
 Вдоль по дороге стоят истуканы,
 Искрятся льдом голубые столбы...

Путь с Безымянки на тракт недалекый,
 Сорок столбов ледяных на пути.
 Встали они по дороге к востоку,
 Будто готовятся дальше идти...

Дымное облако льется в тревоге.
 Перекреститься бы, да не с руки.
 Вместо столбов вдоль таежной дороги
 Спят... замороженные мужики.

Спят бородатые пасынки мира,
 Нахолодались, намучились власть.
 Ставит такие столбы по Сибири
 Христолюбивая белая власть.

Видел ли кто, как сгоняли их в стадо?
 Как обливали байкальской водой?
 Как отвечали: «Пощады не надо»?
 Как беднота повстречалась с бедой?

В ночь без патронов остались берданы,
В плен захватили стрелков лесовых;
Толстый японец спросил: «Партизаны?»...
И приказал — заморозить живых.

Путь с Безымянки на тракт недалекий.
Сорок столбов ледяных на пути.
Встали они по дороге к востоку,
Будто готовятся дальше идти...

ЭШЕЛОН СМЕРТИ

1

У-ух! Как холодно на Енисее!
Вьюга колючие зерна сеет,
Ветер прошибает камни насквозь,
Поезд качает вкривь и вкось.
Мимо полустанков гремят вагоны,
Крыши обметало в скрипучий снег,
Темные теплушки,
Двери засмолены,—
«Восемь лошадей да сорок человек».

Стужа оголтелая дымит по шпалам.
Ночь лихорадит.
Тайга в бреду,
Филины-бездомники ждут за перевалом,
Гукают, хохочут в лешеву дуду:
У-ух! Как холодно за Енисеем!
Дымные тучи к земле присели.
Вьюга подгоняет вагонный бег,
Крыши заметает сибирский снег.

Мерзлые колеса считают версты,
Чехи-часовые ногами бьют,
Снегом оттирают солдатские горсти,
Водку-колчаковку в очередь пьют.

Ветер надрывается,
Волком воет.

В такую ночь не сойти бы с ума.
Голое нагорье,
Поле снеговое,
Вот, наконец, станция — Зима!
Пане подпоручик идет проверить:
Рыжая собака шагает вслед.
Вахмистры откатывают стонущие двери:
— Все ли в порядке? Беглых нет?

Пане подпоручик понюхал: «Ф-фу!»
Целый эшелон лежит в тифу.
В каждой теплушке сорок смертей,
Сорок пар прохудалых лаптей.

Дранные шинели сбились в кучу,
Руки посинели, бороды во льду.
Стужа огневая мертвых крючит.
...Рыжая собака завывала вдруг.

— Пане подпоручик, одна мертвяка,
Все в порядке, беглых нет!..
Воеет у теплушки рыжая собака.
Что это?

Сон?
Иль явь?
Или бред?
Сколько их?
Куда их?

Стучат колеса.
Дальняя дорога. Подъем да спуск.
Пане комендант депешей просит
Мертвых и тифозных принять в Иркутск.

Рвется телеграмма навстречу эшелону --
«Приказано: состав пропустить в Читу»

Темными могилами катятся вагоны
В белую,
    морозную,
        злую пустоту.

II

Каленая стужа
Спирает дух;
Снежинки кружат,
Костер потух.

Морозный морок
Плывет с Байкала,
Градусов сорок —
Ни много, ни мало.

Горы вокруг
Снеголет засеваает;
На запад — Култук,
На восток — Мысовая,
А посредине
Межгорье — низина.

Сосны качаются,
Лапы раскинув;
Колды, взметнув снеговое руно,
С грохотом валяются на полотно.

Хвойная насыпь
Горой поднялась,
Льдистыми сучьями
В рельсы впилась;
Путь перебит,
Телеграф перерезан!

Сажень на триста,
За каждым кустом:
Шашки,
Винтовки,
Берданы,
Обрезы.
И пулеметные ленты крестом.

III

Дряблый вахмистр хныкал у вагонов:
— Господа... товарищи... сдаюсь!
Нет у нас ни ружей, ни патронов.
Офицеры отвечают пусть...
Подневольно дело у военных,
Пожалейте, братцы, маету;
Не оружие мы везем, а пленных
Из-под Омска, значит, на Чигу...

IV

Гулкий выстрел хлопнул вдоль опушки,—
К пулеметам пальцы приросли...
Загremели мерзлые теплушки,
На носилках мертвых понесли.

Голубы́ предутренние тени.
Только мутно бешенство в глазах.
Конвоиры встали на колени,
Да ведь нынче миловать нельзя.

На ступени классного вагона
Сам Иван Бывалый заскочил,
Борода годами серебрёна,
На папахе красные лучи.

Был он страшен —
Древний, твердоплечий,
И, быть может в страхе, потому
Всю обойму выпустил навстречу
Колчаковский браунинг ему.

Снеговые рыхлые увалы
Озарил сияющий туман,—
Падал вниз, в снега;
Иван Бывалый —
Старшина байкальских партизан.

Старый кедр, разбитый ураганом,
Переживший голые года,
Падал он таежным великаном,
Потеряв дыханье навсегда.

Он не видел друга-старожила,
Кто, почуяв бешеную злость,
Проколот рогатиной двужилой
Четырех охранников насквозь,

Кто заплакал редкими слезами
Над его седою головой,
Над его закрытыми глазами,
Над его жестокою судьбой...

V

Две сотни мозолистых рук
Вскопали могилу не вдруг:

Всю ночь разгребали пожог
И снег пробивали жестоко.
Лопата, как острый клинок,

Врезалась в землю глубоко
Ни ястреб, ни ворон, ни зверь ---
Не выкоют мертвых теперь.

Четыреста красных солдат
Рядами в могиле лежат,
Быть может, и лучше им так:
Не тронет замученных враг.

Родной партизанской рукой
Уложат на вечный покой,
Уложат на вечную честь:
На славу!
На память!
На мсты!

Четыреста красных солдат
Рядами в могиле лежат;
Немного пришлось потесниться —
Четыреста первый ложится:
Могучий, седой великан,
Сибирский боец, партизан.

ПАМЯТНИК ХАМАР-ДАБАНСКОМУ ОТРЯДУ¹

На перевале он стоит —
Хамар-Дабан.
К его подножью
По ущельям пал туман.
Над ним сверкает солнечный поток,
И самолет идет «Москва — Владивосток»...
Встречая ветер, переплывший океан,
На перевале он стоит —
Хамар-Дабан.

Гранитный столб с пятиконечною звездой,
Гранитный столб стоит над каменной грядой,
Заря заката темный камень обагрила.
Под этим камнем —
Братская могила...

Из темной пропасти,
От шепчущей тайги,
Навстречу холоду —
Предвестнику пурги —
Крутой спиралью автострада поднялась,
Гудроном вымостила северную грязь
И, развернувшись широко у перевала,
Дороги старые бесследно растоптала.

Грузовики бегут на север день и ночь.
Обрывки туч прожектор гонит прочь,

---

¹ Стихотворение печатается с сокращениями.

Гудки в ущельях
Рассыпаются до дна;
Дорога горная далекая видна.
На перевале,
У гранитного столба,
Где славный памятник поставила борьба.
И летом ясным,
И в бушующий мороз
Автомшины обрывают бег колес:
Здесь проверяются моторы и сердца,
За перевалом —
Путь-дорога без конца...

Пока гудки не протрубят, не позовут,
К столбу гранитному проезжие идут.
Гранитный столб с пятиконечною звездой
Высоко в небо взмыл над каменной грядой.
Заря заката темный камень обагрила,—
Под этим камнем
Братская могила...

Здесь клятву дай
И верным быть учись!
Седому камню, кто б ты ни был, поклонись!

Любовь и ненависть, и мужество зови...
Запомни, что стоишь ты на крови.
И если хочешь ты прожить большую жизнь,
Здесь клятву дай
И верным быть учись...

БЫЛОЕ

У ПРОЩАЛЬНОГО СТОЛБА¹

I

Тройка, тройка, птица-тройка...
Где там птица!
Еле-еле лошади бредут.
Дребезжит расколотая спица,
Колесо скрипуче на ходу.

Неказиста сбруя, грязновата,
Поглядит ямщик да загрустит;
Почтовáя тройка небогата,
Только кнут новешенький свистит.

А уж сколько раз на тракте этом
В два конца промерен горный путь —
И зимой, и осенью, и летом.
Никуда с дороги не свернуть.

Седоки-то нынче не простые:
Арестанты, видно, из господ.
И, толкуют, люди наездные,
Будто всё страдают за народ.

Говорят, что солнце правды брезжит,
А людей везут по рудникам.

---

¹ «У прощального столба», «Сибирский тракт» — главы из поэмы «Ведомость о государственном преступнике Чернышевском».

И сейчас — сидит такой проезжий,
Два жандарма дремлют по бокам.
Тройка, тройка!..
Путь все в горы, в горы.
Захлебнулся медный бубенец..
Высоки уральские просторы.
Перевал последний, наконец.

Чуть плетутся взмыленные кони,
Древний лес шумит по сторонам,
И ящик, крестясь как на иконы,
Поклонился вздыбленным камням.

— Ты чего?
— Кончается Рассея,
Прощаться надобно, гляди:
Повернет дороженька на север,
Там и столб прощальный впереди...

Вот и столб виднеется.
Но что там?
Крик, и плач, и ругань, и божба.
Голосит этапная забота,
Арестанты около столба.

Старики, и женщины, и дети
Под конвоем сбились в полукруг.
Видно, черный жребий их отметил,
Заклеймил их каторжный недуг.

Суждено им вспомнить об утратах,
Горевать и плакать горячо
В кандалах, в распахнутых халатах,
С головою, бритой палачом.

Здесь рубеж, последняя граница,
За столбом дорога рвется вширь.
Прошевай, российская земля,
Здравствуй, горе-кагорга — Сибирь,

II

Всё идут и идут, и идут...
По грязям,
По дождям,
По снегам...

Умирают они на ходу,
Поклонившись холодным тайгам.
Неизвестно в котором году
Стерлись камни,
Легли колеи...

Всё ведут их, ведут и ведут
За чужие грехи, за свои...

В лютый жар и в каленый мороз
От заветной уральской черты
Растянулись этапы насквозь
От Тюмени до самой Читы.

Конвоиры кричат. Торопись,
Поджидают тебя рудники.
На твою невеселую жизнь
Поднялись частоколом штыки.

Прощайся ж с родимой землей,
Горсть ее в узелок завяжи
И, когда час настанет лихой,
В гроб с собою ее положи.

В безымянной могиле дремать
Будет слаще с землицей родной,
Как твоя терпеливая магь,
Она ласкова будет с тобой.

У столба на последнем хребте
Горькой жизни своей не скрывай,
Русской ты поклонись нищете,
Вместе с нею навзрыд запевай.

III

Песня Сибирского транта

Гонит желтые листочки,
Гонит ветер гулевой,
Тучи дрёмные, с дождями,
Слезы льют над головой.

По дороженьке широкой
Арестантики идут,
На дороженьке далекой
Себе кликают беду.

За уральскими камнями
Птичка — в ельничке — снегирь,
Позади тебя — Рассея,
Перед личиком — Сибирь.

Обождите, не спешите,
Эй вы, босы и голы,
Левой рученькой держите,
Придержите кандалы.

По распутью, на развилке
Помяни родимый край,

На прощальном на привале
Нашу песню запевай.

Чтобы кости не стучали,
Чтобы путь короче был,
Чтобы вы не заскучали
У дорожных у могил.

Кто там лег, не все равно ли?
Знать, такая ж голытьба:
На спине бубновым тузом
Припечатана судьба.

Не зови Сибирь чужою,
Только душу береги:
Места хватит под землю
Для тебя и для других.

СИБИРСКИЙ ТРАКТ

Лунным заревом ночь перебита,
Открываются сны наяву.
Деревянные церкви Ирбита
К полунощной молитве зовут.

Звон тяжелый такой, невеселый,
Медной жалобой льется в поля.
И твердят в деревнях новоселы:
— Спаси, господи, люди твоя...

— Спаси, господи... Этакой ночью
Плохо спится невесть почему.
На Иртыш, на Tobол, к Заболочью
Гонит ветер косматую тьму.

По ухабам, по гатям болотным,
Повернув колени на восток,
Старый тракт от столбов приворотных
Всю Сибирь перешел поперек.

От шлагбаумов омских и томских
Будто встали столбы в караул,
От острогов и сел божедомских
Старый тракт свой хребет растянул.

Посчитай, сколько верст до Амура:
Здесь темно, там — давно уж заря...
Вековая дороженька хмура,
Не изъездить ее почтарям.

Если б кто-нибудь птицей поднялся,
Тракт сибирский зараз оглянул,—
Он бы долго смотрел, удивлялся,
А потом, может быть, и всплакнул.

Города, невелики, невзрачны,
Залегли наподобье берлог.
В каждом городе логовом мрачным
Поднимается царский острог,

Из добротного камня он сложен,
И железная крыша на нем,
Целой улицы будет дороже
Этот длинный, осанистый дом.

В деревнях эти зданья беднее —
Там кирпич заменило бревно.
Чуть не в каждом поселке темнеет
Под решетчатой вязью окно.

Эти темные здания стойки,
Им не скоро рассыпаться в пыль...
И такие-то всюду постройки
Украшают сибирскую быль.

Поневоле здесь люди угрюмы,
Плохо спится, невесть почему,
Все мерещатся черные думы:
Вспоминай-ка тюрьму да суму.

Если полночь колокол брякнет,
Медный гул в переулках тая,
Скажешь:
— Страшно живется на тракте,
Спаси, господи, люди твоя!..

• • •

«Сибирь, Сибирь — золотое дно.
Золотое дно —
Глубоко видно:
Есть прошеное,
Носит брошеное,
Живет крадным...»

Эта ли пословица
Ветром протрезвонится,
Песня ли варнацкая
Ухнет по тайге...

Столбики клейменные,
Думы полоненные,
Плачутся бубенчики
На крутой дуге.

Много дальних есть дорог в России.
Дальше этой нет...
Не твои ли кости износились,
Затерялся след?

Не тебя ли вьюга окликала:
— Кто ты? Отзовись!..
Над пустыней синего Байкала
Снеговая высь.

Широко Сибирь гостей встречает,
Рад или не рад.
Если даже сердце заскучает —
Не уйдешь назад.

Слышишь ты, в тайге заголосили:
— Потерялся след...
Много дальних есть дорог в России.
Дальше этой нет.

* * *

— Гляди, идут...
Шатаются, качаются,
Котомки на плечах;
С прохожими встречаются.
Оковами стучат.

Не радостно им праздничать —
Полмира обойти.
Не сладко христарадничать,
Да голодно в пути.

Они такие темные
Глазами и лицом,
Усталые, бездомные
Встают перед крыльцом.

Чье сердце тут не сжалится?
Нет хлеба — дай поклон.
Пойдут да закачаются.
Во след железный звон.

— Гляди, идут...
Без имени, без отчества.
Ослабли с голодух.
Идут в цареву вотчину.
На каторгу идут.

Орловские, самарские
Шагают в рудники,
Всё царские да барские.
Всё больше мужики.

Иного люда мало тут,
А этих гонят — тьму.
Несут глухую жалобу
Да нищую суму.

По зною и по холоду
Идти им целый год;
Повымерли бы с голоду,
Да выручит народ.

Здесь нету хлеба лишнего,
Но знают с давних пор:
Прокормит нищий нищего,
А бедность — не зазор.

Примета сердобольная
В сибирской стороне —
Сухая корка черная
На полочке в окне.

Не днем, так ночью, может быть.
Голодный подойдет.
Как не подать прохожему —
Жалкуется народ.

ИДУТ ВАРНАКИ ПО СИБИРИ

I

Под кедровым навесом
Полыхнул костерок;
Ночь висела над лесом,
Тучи шли на восток.

За горой бурелома,
За болотом низин
Ветер плыл незнакомый
По реке Баргузин.

В потаенном разлоге,
Возле самой реки,
Будто звери в берлоге,
Чутко спят варнаки.

Закололи конвойных
И ушли в кандалах;
Сорок дней беспокойных
Промотались в горах.

Шли в чашобах на север,
Сторонились жилья,
Отдыхали в сугреве,
В лиственничных пальях.

Смыли сонную одурь,
Распрямили горбы,

Пили ржавую воду,
Собирали грибы.

Брали мох да бруснику,
Птиц ловили силком;
На сосновую пику
Взял медведь целиком...

Третий месяц в исходе,
Осень ждет впереди,
На таежной свободе
Веселее в груди.

За тайгою зарницы
Высоки, далеки...
Как пролетные птицы,
Чутко спят варнаки.

II

Ветер-шалонник
Ломит кедровник,
Ветер-култук
Холодит вокруг.

Белые перья вьет над водой.
Утром валежник совсем седой.
Мокрый кедрач на ветру измят:
По всем приметам — идет зима...

Темная бухта. Залив Безымянный.
Сиверко гонит сентябрь окаянный,
— Что-то в Рассею меня не тянет,
— Дядя Иван, давай пристанем.

— Ладное место, рыбы богато.
— Лес подходящий — как раз для хаты..
— Хату не хату, землянку треба.
— Только скучаю, Иван, без хлеба..
— Хлеб добудем, терпи, милок,
Пошарим, поблудим, дай срок...

Море — гремяче. Берег — плот.
Вширь и вразвалку шалаш растет:
Крыша — кора, под ногой — песок,
Окна прорезаны наискосок.

Ветер-култук
Холодит вокруг,
Снег выпадает
Охапкой вдруг.
— Хата не хата — медвежий закут,
Да, впрочем, и хуже люди живут...

РОЖДЕНИЕ ДЕРЕВНИ

Одиноким не место в мире,
Легкий ветер былинку гнет.
Испокон веков по Сибири
Человек к человеку льнет.

Беднота к бедноте прислонится,
Разве скажешь: земля тесна?
Ведь недаром пошла пословица:
«На миру и смерть красна»...

К шалашу Безымянной речки
Через год примостилась изба,
Задымилла булыжной печкой,
Заманила бродяжьих баб.

У Бесхлебнова, в третье лето,
Из Рязани пришла жена;
Притащила ребят раздетых,
Самовар и два чугуна.

Побродяжка Иван Бывалый
(Знать, недаром большой говорун)
Съездил как-то в Ангарск, к перевалу,
И привел староверку-вдову.

Гольтьба оседала бойко,
За собой нищету вела.
Поднялась избяная стройка —
Кондовые стволы к стволам.

От реки Безымянки поселок
Безымянкой по кличке пошел;
Девять изб да четырнадцать елок,
Да кругом сетевой частокол.

Неизвестно с какого года,
По законам или без них,
Объявили: «подушную подать»,
Описали: «в наличьи живых...»

Это было, кажется, в праздник,
Переписчик домой спешил —
Двадцать душ насчитал урядник,
Получив по рублю с души.

Был он, впрочем, служака старый.
В пьяном виде — любитель забав:
Заглянул к рыбакам в амбары
И Бесхлебнову дал по зубам.

Приказал ему зваться — Бесхлебных,
Омулей — для начальства ловить...
Тут добавил он слов непотребных
И на тройке изволил отбыть.

С той поры и пошло на годы
Гореванье — житье-бытье:
Сетеставы,
Туман,
Погоды
Да у баб суровье-шитье.

АННА БЕСХЛЕБНЫХ

Молодая была — хохотушкой,
Чернобровая девка была.
За душой ни гроша, ни полушки,
А улыбка всегда весела.

Тяжело сиротливое детство,
Небогатый батрацкий талант;
От родных получила в наследство
Захудалый один сарафан.

Как найдешь ты счастливую долю?
Непогожие вышли годá,
Запряглась в кабалу да в неволю —
Пропадешь на земле без следа.

Вышла замуж, а легче не стало,
Все равно ни двора, ни кола.
Только песни играть перестала
Да голодных ребят завела.

Муж попался хороший, но бедный,
По фамилии гораздо чудной,
В самом деле: Бесхлебнов — бесхлебный.
Подходящая пара с женой...

Терпелива бедняцкая сила,
Только клином сошелся весь свет.
Как в Сибирь муженька проводила.
Утопиться хотела, да нет.

Помешали соседские бабы...
И, проплавав всю душу свою.
Потащила в лесные ухабы,
Неудачу, суму и семью.

Из Рязани пришла к Енисею.
Подаяньем кормила ребят,
Проклинала родную Рассею,
Не взглянула ни разу назад.

Суматошной, завьюженной стужей
В лапотках по сугробам плелась,
Отыскала пропащего мужа
И взялась за рыбацкую снасть.

Поседели смоленые косы,
Ледешками застыли глаза,
Будто петлю в душе своей носит
И не может никак развязать.

Темной ночью поплачет в подушку.
На которой невестой спала...
А когда-то была хохотушкой,
Чернобровая девка была.

СЛАВНЫЙ КОРАБЛЬ — ОМУЛЕВАЯ БОЧКА

I

В черном сарае иркутской бондарни
Делали бочку ядреные парни;
Клепка в ободьях зашита на ять,
Днище запарено — не оторвать.

Обод ползет — деревянная строчка.
Вот какова омулевая бочка...
Ходит она по следам неводов,
Вес — при улове — шестнадцать пудов.

В морюшке холодно: ветер и гром...
Рыба на днище ложится гуртом;
На берег выкатят рыбные грузы —
Глядь, уже омуль в купеческом пузе.

Купчик-закупщик
Зажал в переплет,
Ходит рыбак — да затылок дерет,
Рванный кисет ворошит на боку;
Босый, раздетый,
В долгу как в шелку.

Сколько ни выловишь — нету недостатков.
Знать и на воле живется не сладко,
Только и чести: с каких-то времен
Был — каторжанин, а нынче — чалдон.

Скупщики-прасолы
Жмут без отсрочки,
Тащат купцы
Омулевые бочки,
Каждая весом в шестнадцать пудов,
Потом и кровью добытый улов.

II

Утром осенним прибой шевелил,
Бочку пустую качал на мели.

Клепка в ободьях зашита на ять,
Днище замокло — не оторвать.

Вот ведь какая ловитва досталась:
Лодка разбита, а бочка осталась...

В мокрые доски вцепившись руками,
Старый рыбак выплывает на камень.

Сивая пена стекает с усов,
В море мотало двенадцать часов.

Пальцы-костяшки,
Колени разбиты,
Скулы торчат,
Как булыжные плиты,

На бороде ледешков оторочка...
«Славный корабль — омулевая бочка...»

Волны, собравшись в последний рывок,
Бросили груз свой на белый песок;

Чайка спустилась, взглянула на тело,
Крикнула ветру и вновь улетела.

Солнце на сопку уселось и ждет:
Если не умер — еще поживет...

ПЕСНЯ О СУХАРЯХ

Закат запутался в горах,
Скатился и зачах —

зачах...

Варнак садится отдыхать,
Сухарики считать —

считать...

Четыре черных сухаря,
Потом прощальная заря;
Четыре дня в пути —

идти,

Потом и кости не найти...
Проходит день, проходит два —
Варнак бредет едва —

едва.

Кругом косматая тайга,
На юг уходит Селенга.

На третий день, упав без сил,
Бродяга смерти попросил,
Воды напился ключевой,
В траву зарылся с головой,
Сухарь последний в руки взял,
Заснул и больше не вставал...

Зашел на утро в буерак
Из Нерчинска другой варнак,
Увидел тело под травой,
Качнул обритой головой.

Он мертвеца узнал —
узнал,
Сухарь из мертвых пальцев взял:
— Верну, товарищ, ляг и спи,
Тебе теперь не по пути...

Мелькает день, мелькает пять,
Варнак приходит долг отдать.
Могила вырыта ножом.
Мертвец уложен, обряжен:
Мешочек новых сухарей
На грудь положен меж ветвей...

— Прости, товарищ, бедный мой,
Ты жил голодный и больной,
Быть может, мертвый будешь сыт,
Моей рукой в тайге зарыт...

Качнул башкой и зашагал,
Кедровок в чаше распугал,
Пошел встречать свою зарю —
На каждый день — по сухарю...

БАЙКАЛ

I

...Славное море — священный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Плыть молодцу недалечко...

С этим напевом,
Покинув тюрьму,
Беглый варнак
Забивался в тайгу.
Ночи аукались
В дремную тьму,
Соболь подстреленный
Стыл на снегу.

Бьет Ангара
На разлив Енисея,
Вспугнутый ворон
Упал между скал.
Строем этапов
Проходит Рассея
Путь столбовой:
Прямяком на Байкал.

Скрипы телег. Бубенцы. Конвоиры.
— Эй, приготовь поселенцам квартиры!

Спины сутулые греют прикладом:
Встреча в Сибири готова — что надо.

— Здравствуй, мятежник,
Бездонный Байкал!..
Слесарь путиловский цепь расковал,
Шапкой слезу одинокую вытер:
— Что ж, до свиданья, расстрелянный Питер.

Кличет империя: «Слово и Дело!»
Песня набатом в тайге загудела:

Славное море —
Священный Байкал.
Вшивый барак —
Александров централ...

II

Море уносит ловецкую лодку,
Ветер грызет паруса.
Эй, поселенец, веди мореходку,
Сеть приготовься бросать.

Темные бездны вздымая горами,
Камень водой напоив,
Море гремит водяными буграми,
Полчищем взмыленных грив.

Ветхий корабль — омулевая лодка,
Весла с кормы унесло;
Завтра по мужу заплачет молодка,
Тяжко его ремесло.

III

...Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь...

Вышел беглец из тайги у Байкала,
С песней срубил лиственничный шалаш,
Волчьих щенят приручил за собак,
Лодку смастачил, подвесил ягдташ;
Был каторжанин, а нынче рыбак.

Как выходили ловить на заставах?
Как обмерзали в ночных ледоставах?
Чертову богу отвесив поклон,
Так отвечал одичалый чалдон:

— В Нерчинске плохо,
Не сладко и здесь.
Пили мы с горя,
Что нечего есть...

НОЧЬ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ЦЕНТРАЛЕ

— Ночь-то какая, господи боже!
Братцы, товарищи, а вы здесь за что же?

— Мы, папаша,
За бедность нашу!
Носим парашу,
Хрупаем кашу,
Цепи волочим
И день и ночь.
Ложись на нары,
Башку не морочь...

Камера-погреб — чертова клетка,
Темные окна в железных сетках,
Семьдесят пар кандалов играют.
— А ну, не робей, ложись с краю...

Бригые затылки,
Лампы-коптилки,
Серые бушлаты
Насквозь дыроваты.
Вши осыпаются на пол горохом.
— Живем, товарищ, не шибко плохо!
— Катится жизнь
Под крутую горку,
— Утром по морде,
На вечер порку!
— Слушай начальство,

Гляди в глаза!
— Захочешь поплакать
И то нельзя!..

— Я, например, Иван Бывалый.
Смолоду в цепи меня обували,
В жилах осталась хмельная полынь:
Душу забили мою в кандалы.

— Что ж, бесталанным пошел по свету,
Значит, лучшей доли нету.
В каторге много хороших люлей,
Ложись, дядя, не очень робей...

Камера-погреб — чертова клетка,
Темные окна в железных сетках,
Семьдесят душ не бредят, не спят...

— Как тебя кличут?

— Бесхлебнов, Кондраг...

— Фамилья голодная, дядя Кондраг;
Поди, семейный?..

— Трое ребят...

— Ишь ты, сирот, значит, стало боле..
А что же ты, дядя, сделал на воле?

— С голоду, братец, ударил гром:
Пустили в дележку барский загром,
Два дня поели, а в третий свет...

— Сколько же дали?..

— Пятнадцать лет!..

Камера-погреб — чертова клетка,
Темные окна в железных сетках,
Ветер студеный гремит от Усолья,
Здесь даже камни бредят спросонья.

Лампы-коптилки,
Бритые затылки.
Был человек — да пропал.
Будто неживые
Ходят часовые.
Спит Александров централ.

ПЕСНЯ ЗАБОЙЩИКОВ

Двадцать сажен глубины,
Дыбом встали валуны.
Черный лед и мерзлота.
Шахта гулом налита.

Возле каждого угла
Бьет шахтерская кайла —
Раз-два!
Раз-два!
Брезжит свет едва-едва...

Не подумай, братец, ты! —
Мы ведь люди, не кроты.
Пусть проходит день за днем,
Не напрасно спины гнем —
Роем шахту, не могилу;
Копим ярость, копим силу.
Кто нам встанет поперек —
Царь, хозяин или бог?

Будет день — сведем мы счеты,
Подведем свои расчеты;
Наша песенка верна —
Рассчитаемся сполна!

Тридцать сажен глубины,
Хрипло дышат пловуны.

От зари и до зари
Тускло лампочка горит.

Возле каждого угла
Бьет шахтерская кайла —
Раз-два!
Раз-два!
Брезжит свет едва-едва...

Не подумай, братец мой,
Что запуганы мы тьмой.
Руки крепки, сердце бьется,
В сердце ненависть грызется.
Тлеет искра — будет пламя.
Мы поднимем наше знамя.
Кто нам встанет поперек —
Царь, хозяин или бог?

Будет день, ударит гром;
Все на свете повернем.
Наша песенка верна —
Рассчитаемся сполна!
Сорок сажен глубины
Мерзлотой закреплены.
Только, братец, не робей,
Бей, забойщик, крепче бей!

СЛУЖБА
ПОГОДЫ
ПОЭМА

На месте Кенигсберга встал Калининград.
 Советский вымпел плещет в Порт-Артуре.
 И я давно как будто не солдат...
 Но боевая выучка в натуре.

Жизнь проверяет пропуск фронтовой,
 Возьмем анкету,
 Наново заполним.
 И если нас окликнет часовой,
 Пароль объявим,
 Лозунги напомним.

Мы держим сердце честно и открыто:
 Оно в «запас» не выйдет никогда.
 Ничто не будет сердцем позабыто,
 Ничто в нем не исчезнет без следа.

Ты спишь сейчас на подступах к Петсамо,
 Окутанная тундровой пургой.
 Мерцающее, радужное пламя
 Полнеба опоясало дугой.
 Легчайшие, прозрачные пушинки
 Над холмиком могильным шелестят.

Согбенные березы-нелюдимки
Сережками хрустальными блестят.
Как холодно!..

А помнишь, как с тобою в институте
Синоптикой мы оба увлеклись,
Погоду изучая на маршруте,
Который нам прокладывала жизнь?

И, помнишь, как потом с тобой мечтали
Уехать на Чукотку зимовать
И пальцами дрожащими листали
Челюскинца знакомого тетрадь?

Пусть до Чукотки мы не дослужили,
Путевки были только на Таймыр.
Тепло нас привечали старожилы,
Лелеяла Восточная Сибирь.

Я помню нашу первую зимовку.
Шестидесятиградусный мороз
Потребовал особенной сноровки:
Ошибочен был первый наш прогноз.

Был уговор у нас — не зазнаваться.
В «корткосрочных»¹
Ты ушла вперед,
А мне хотелось, надобно признаться,
Погоду предсказать на целый год!

Однажды погордились мы «ошибкой»:
Я сына предсказал, как все отцы,

---

¹ Прогнозы погоды составляются краткосрочные, например на текущий день, на следующие сутки, и долгосрочные — на несколько недель, месяцев вперед.

Ты — дочь ждала и спорила с улыбкой.
А вышло, что родились близнецы:
И дочь, и сын.

Они уж пионеры,
По-взрослому со мною говорят.
Сын хочет быть «пилотом стратосферы»,
А дочка — этой нужен в тундре сад.

Я верю, их мечты осуществимы.
Судьба не будет мачехой для них:
Заботами отечества хранимы
Мечтания наследников твоих.

А ты лежишь на подступах к Петсамо
И не ответишь мне...
Прощай, прости!
Пурга гремит жестоко и упрямо,
И долго мне тебя не навестить.

3

Работа. Дети. Горькое сиротство.
Я думал, что не выдержу.
А вот,
Стихиям и страданиям в превосходство
Прогнозы ставлю твердо пятый год.

Ошибки стали реже.
В кабинете,
В Бюро погоды
Видно мне сейчас,
Как ураган подходит на рассвете,
В твою могилку скромную стучась.

Грохочет ночь.
Я вижу и с Чукотки
Едва заметный белый бугорок,
Прижатый камнем краешек пилотки,
Расколотого дерева кусок,
И звездочку со ржавью, жестяную,
Осыпанную пылью снеговой,
И надпись неуклюжую, простую
Над бедною твоею головой.

Как эта надпись кратка и сурова!
За десять тысяч верст ее видать:

**Людмила Николаевна Багрова,
Сержант-синоптик части «205»**

Не вспомнить час, когда тебя убили,
Не записал.
Но, знаешь ты сама,
Ведь было наступление, Людмила,
Была такая трудная зима.

Авиабазы в грозные те сутки
Не дождалась семнадцати машин.
Я сам запрашивал метеобудки,
Определяя утренний режим.
Он был ужасен.

В штабе все молчали,
Когда я объявил прогноз в «ноль-ноль».
И ты поймешь, что все мои печали
Влились в большую, яростную боль.
Так много потеряли мы.

И все же
Торпедоносцы справились с врагом,
А путь назад... для них был невозможен:
Циклон взревел —
На триста миль кругом.

...Через неделю в сумерках дымящих
На леденелом, темном берегу
Оплакал я и летчиков пропавших
И бедный холмик, спрятанный в снегу.

4

На Крайнем Севере творец погоды — дьявол,
Так говорят легенды якутов,
И кто в Чукотском море нынче плавал,
Поверить будет этому готов.

Как делает погоду дьявол? — Просто.
На Оймяконе буйством холодов,
Мерзлотною, нетающей коростой
Он держит влагу западных ветров.

В какие-то невидимые щели
Загнав Гольфстрима греющий поток,
Матерым льдом с последней параллели
Открытые проливы заволок.

Спрессованную полюсную стужу
Охалками рассыпав на лету,
Он в океан ворвался, словно в лужу.
И спрятался в густую темноту.

Пусть сказка это или полусказка —
Проделки дьявола легко видны всегда:
Метеосводок подлинная связка
Погоду нам покажет без труда.
Опишет то, что было или стало
В любом квадрате карты СССР.

Но этого сегодня очень мало.
Что будет завтра? Или, например,
Через неделю, месяц или полгода?
Где будет тихо, где рванет гроза?
Грядущего неведома погода,
А вот ее и надо предсказать.

5

Поэзию и точную науку
Объединяет кровное родство.
И, проходя сквозь творческую муку,
Чудесное родится мастерство.

Поэт — всегда синоптик по природе,
Синоптик — по профессии поэт.
Они заране мыслят о погоде,
Которой еще не было и нет.

Хотя не совершенны предсказания
(Синоптика — наука молода),
Но разуму высокого дерзання
Поможет ваше сердце иногда.

Оно подскажет многое такое,
Чего метеосводки не дадут —

И тайное и, может, роковое,
Чего еще не ждали и не ждут.

Используйте, друзья, военный опыт,
Кровавую науку прошлых лет.
Пусть ваша память мужественно копит
Сигналы поражений и побед.

Не забывайте павших!
Наши дети
Осиротеть вторично не должны.
Любую бурю грудью надо встретить,
И предсказанья верные нужны.

На всех границах, внутренних и внешних,
На суше, в море, в воздухе,—
Всегда! —
В сиянье полдней, в сумерках кромешных
Погоду не на месяц,
На года
Обязаны мы знать.
И без ошибок
В очередном прогнозе изложить.

Циклон прошел. Но климат Мира — зыбок,
И нам, синоптики, придется послужить.

6

Все взято честно,
Доблестно, открыто:
Вся Арктика освоена трудом
Людей, чьи имена не позабыты,
По чьим путям и нынче мы идем...

И ты вошла в бессмертие, Людмила,
В других сердцах живут твои мечты.
Ты мне дорогу жизни осветила,
Я снова у арктической черты.

Вот я и дослужился до Чукотки.
А ты... со мной не будешь зимовать.
Не будешь поджидать ночные сводки,
И некого мне больше ревновать.

И голос твой отныне не услышу,
Украдкою тебя не обниму.
Ты спишь.
Вокруг метель снега колышет.
Не холодно ли сердцу твоему?

Согрел бы я тебя своим дыханьем,
По-юношески обнял бы...
Проснись!
Мне больно жить одним воспоминаньем,
Ведь впереди еще вторая жизнь...

Я вытерплю, я выдержу, Людмила!
За жалобы меня ты не кори.
Бывает, знаешь...
Вьюга так уныла,
И мне, вдовцу, не спится до зари.

Но будет так, как мы с тобой мечтали:
Полярниками выращу детей,
Утешу их сиротские печали
Заветом светлой памяти твоей.

Я приучу их к всяческой погоде,
Чтоб смелыми, упорными росли,
Солдатами, бывальыми в походе,
Невзгоды стойко все перенесли.

Во сне они сейчас бормочут: «Мама...»
А утром на портрет твой поглядят
И вспомнят:
Ты убита под Петсамо,
Под Печенгой,
Пять лет тому назад.

Твоя медаль
«За оборону Заполярья»
Спокойно в детской комнате лежит.
Циклоны Западного полушария
Не перейдут за наши рубежи.

7

Новешенькою картою сверкая,
Сынок вчера устроил мне аврал:
— Да разве наша Арктика такая?
А где Норильск? Куда он запропал?

И дочка иронически-обидно
Разглядывала белое пятно.
— Плохая карта. Старая, как видно.
Тут новый порт построили давно!...

Да, карты и учебники стареют.
Покамест их неспешно издают,

На месте пятен, что, как снег, белеют,
Заводы и селения встают.

Фундамент довоенных пятилеток
Достроила на Севере война.
Но в хронике спецкоровских заметок
Гигантская картина не полна.

8

«Челюскин» принял гибель ненапрасно,
Папанин не для спорта дрейфовал.
Теперь географ может безопасно
Перелететь за Северный Урал,
Заночевать, допустим, под Картыммом,
А через двое суток в Уэлькан,
Где Дежнев мыс стоит необоримо,
Отбив щитом аляскинский туман.

И даже при таком вот перелете
Географ бы заметил без труда:
Полярный круг — в весеннем повороте,
Не стойбища шумят, а города.

Географ, загляните в наши школы,
На станции полярные, сюда!
Порадуйтесь, как люди-новоселы
На тундрах оседают навсегда.

По-русски оседают: домовито,
Со всем своим семейным багажом,
Со всей родней
И с тем советским бытом,
Который мы законно бережем.

Отрадны им затундренные дали,
Просторы океанской стороны.
Они здесь радость жизни увидали
И будут солнцу Арктики верны.

9

Я не имею родословной.
Дед батрачил,
Гонял плоты по Северной Двине.
Отец на рыбных промыслах маячил
И утонул в неведомой волне.

Под парусами шхуночки ловецкой
Мальчишеская плавала заря.—
На Мурмане,
Едва простившись с детством,
Я юнгою ходил до Октября.

Потом ликбезы, курсы и рабфаки
И, наконец, заветный институт,
Который все полярные вояки
Отцовским домом с нежностью зовут.

И в самом деле, там усыновляли:
Учили душу,
Сердце берегли,
А после в дальний путь благословляли —
Во все края затундровой земли.

Там повстречалась мне моя Людмила.
Мы кончили особый факультет:
Синоптика — она нас породнила,—
Наука предсказаний и примет.

Затем пять лет зимовок..
Да, в анкете,
Вы говорите, надо повторить
Все, что в военном значится билете,—
Иначе рвется фабульная нить?

Вам нужен возраст?
Сорок лет. Что дальше?
Партийность?
Коммунист.
Каков партстаж?
С тех дней, когда сказали мы на марше
Арктическому дьяволу:
— Шабаш!

10

Немецкий снайпер был разорван миной
Примерно через час,
Как он тебя убил,
Тот выстрел был последним...

Над равниной
Чуть брезжило.
Морской прибой рябил
Свинцово-маслянистыми валами.
Поземка раздувала белый прах.
Мотали тучи рваными крылами,
Передний край постреливал впотьмах.

Оттуда мне и позвонили..
Твой приятель
Гвардеец-лейтенант сочувственно басил

О том, как минометчик-наблюдатель
Прямым накрытием немца «погасил».

Сумятица в эфире. Грохот ветра.
Крутящиеся ленты телеграмм.
И где-то близко, за два километра,
Тебя везут на нартах по снегам.

Везут ко мне — прощаться...
Как я встречу?
Об этом и помыслить я не мог.
Командующий ждал: что я отвечу?
Прогнозы все оправдывались в срок —
Была надежда на ошибку...
И напрасно.

Я знал, что не затихнет ураган,
Сухие цифры говорили ясно —
Взбесился Ледовитый океан.
Торпедоносцы не могли вернуться с моря.
Семнадцать экипажей — без следа!
Всю тяжесть моего большого горя
Не сразу я почувствовал тогда.

Мне дали отпуск —
Два часа страдания.
Когда работал, боль была глухой.
А тут... могила, муки расставанья...
И этот снег, назойливый, сухой.

Все сердце мне насквозь запорошило,
Пока ты уходила от меня.
И долго-долго голову кружило
От вспышек автоматного огня.

Две очереди скромного салюта.
Обратный путь, отчаянный, без слез.
Горбатая, томительная смута
Со мною вместе села за прогноз.

11

По виду, говорят, я был в порядке.
Работал, как обычно, по часам.
Курил, обедал, спал под плащ-палаткой
И лишь никак не мог проснуться сам,—
Меня будили силой.

А спросонок
Мерещилось, что я лежу в снегу.
Среди спирально вьющихся воронок
Лежу и приподняться не могу.

Я будто омертвел совсем, Людмила.
Погиб бы я тогда, наверняка.
Да помогла мне дружеская сила.
Товарищества теплая рука.

Мое непоправимое несчастье
Не выросло в калечащий недуг,—
Суровое солдатское участие
Невидимо затеплилось вокруг.

Какие-то посылки собирали
И спрашивали адреса детей.
Знакомые радисты с магистрали
К чему-то мне прислали сухарей.

Огромный ворох елочных игрушек
Откуда-то доставил медсанбат.
Передавая сказочных зверушек,
Посыльная сказала: «Для ребят...»

Пять лет прошло в надежде и в тревоге.
Проверив сердце тысячью невзгод,
Стою я на арктической дороге
Разведчиком невидимых погод.

Весеннее предвидя наступленье,
Зарю встречая в бездне темноты,
Держу я боевое охраненье
На подступах высокой широты.

Еще не совершенны предсказания
(Синоптика — наука молода),
Но разуму окрепшего дерзанья
Поможет сердца опыт иногда.

Поможет наша воинская дружба,
Рожденная победами в борьбе.

На службе я. Но разве это служба?
Моя работа — памятник тебе!

По островам ночного океана,
Вдоль берегов разбуженных морей.
Встречают нас, всплывая из тумана,
Столпы пирамидальные камней.

Уложенные чьими-то руками,
Они далеко в небо ворвались,
Как будто темный выщербленный камень
Подняться хочет в солнечную высь.

По-беломорски столп зовется «гурий»¹,
Откуда это прозвище, бог весть.
Но в тех краях, где слишком часты бури,
Заветное во всем значенье есть.

Столпы такие ставились извечно
По перепутьям встречи и разлук.
Над павшими в страданиях скоротечно,
У перекрестков бедствия и выюг.

Столпы перебратались с маяками,
Как памятники встали — навсегда.
Их тысячи стоят над берегами.
А впрочем, кто считал их и когда?..

И лишь сердца полярных капитанов
Хранят их, как сигнальные огни.
Да штурманом в маршруте караванов
Заботливо отмечены они.

Поставлю я тебе высокий гурий.
Родная, ненаглядная жена.
Такой, чтобы в пылающей лазури
Судьба твоя была отражена.

---

¹ Гурий — так называются на всем Крайнем Севере груды камней, уложенные наподобие колонн. В советское время «гурии» ставятся экспедициями как условные гидрографические знаки.

Пусть будешь ты на взморье заполярном
Сегодня и пять тысяч лет потом
В созвездии героев легендарном,
Как звездочка над Северным путем!

Когда-нибудь припомнят эти годы
Поэты поталантливей, чем я.
Синоптиком устойчивой погоды
Останется лишь лирика моя.

Но до отставки мы не дослужили.
Туманность застилает кругозор.
Прошла война.
Бураны откружили.
А климат Мира зыбок до сих пор.

Просматривая рубрики газеты,
Прогноз как будто ставить мудро.
Однако и случайные приметы
Не спрячутся сегодня под сукно.

В Аляске копят атомные бомбы.
Испытывают танк в гренландском льду.
В метельные зарывшись катакомбы,
Авианосцы крадучись идут.

Куда они идут?
Почти на полюс!
Что надо им?
Там вовсе не курорт!
Десантники спустились в снег по пояс.
Военная игра?
Новейший спорт?..

Нет, господа! Земель тут ваших нету.
На Север Азии — у нас лежит мандат.
И если вы не верите поэту,
Тогда я заявляю, как солдат.

У ночи отвоеванный упрямо
Стараньями отважных россиян,
Наш Север, от Чукотки до Петсамо,
Зарницами Победы осиян.

Все взято с бою,
Жертвами, трудами...
И, если где-то ветер посвежел,
Поднимем солнце выше надо льдами,
Циклон остановив на рубеже.

СОДЕРЖАНИЕ

Певец родимой стороны. Анатолий Срывцев	5
Песня	21

ПОСЛАНИЕ С БАЙКАЛА

Послание с Байкала	25
Поликарп Двоедан-сетовщик-бригадир	27
Настенька-рыбачка	29
Омулевый лов	32
Рыбачья песня	34
Зимняя путина	35
Вечерины	37
Прибой на острове Ольхон	43
Исток Ангары	45

ЗВЕЗДЫ ПОЛЯРНОГО КРУГА

Открытие полярной дороги	49
Исследователям Быранга	51
Строитель дорог	53
Охотские жители	55
Газетная почта в Заполярье	57
Календарь оленевода	59
Ленские скалы	64
Утро на Витиме	66
Сплав леса	68
Осень на реке Индигирке	70
Искатели металлов	71

ФЛАГИ НАД МОРЯМИ

Семен Дежнев	75
Памятник Шелехову в Иркутске	78

Русские флаги в Антарктике	80
Навигация в Арктике	83
Арктический порт	85
Восточно-Сибирское море	87
По следам Беринга	89
Подъем морского флага	91
Белая ночь на Чукотке	93
Ледовый наблюдатель	95
Большой Диомид	97
Командир ледокола	99
Радиопост	101
Полярный зов	103

ВСТРЕЧИ С МУЗОЙ

Речка Поледуй	107
Весна в Бурдюзае	109
Май — месяц любви	110
Красная смородина — тундровый виноград	111
Сентябрь — месяц разлуки	113
Зимовка на острове Уединения	114
Калисфена	116
Амулет	117
Северное сияние	119
Встреча с музой	121
Карбас на перекате	123
Окно в небе	125
Проводы друга	127
Байкальское сердце	129
Давние песни Колымы	131

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Кешка Бедолаз в партизаны идет	139
Партизаны	142
Зимний тракт на Баргузин	146
Эшелон смерти	149
Памятник Хамар-Дабанскому отряду	155

БЫЛОЕ

У прощального столба	159
Сибирский тракт	164
Идут варнаки по Сибири	169
Рождение деревни	172
Анна Бесхлебных	174
Славный корабль — омулевая бочка	176
Песня о сухарях	179
Зайкал	181
Ночь в Александровском центре	184
Песня забойщиков	187

СЛУЖБА ПОГОДЫ

Служба погоды. <i>Поэма</i>	189
---------------------------------------	-----

Ольхов Анатолий Сергеевич

СТИХИ

Редактор И. Ветлугин

Художник В. Авдеев

Художественный редактор В. Минко

Технический редактор Г. Субботина

Корректоры Т. В. Куркчиенц.

Р. Х. Хабибрахманов

Сдано в набор 19 сентября 1967 г. Подписано
к печати 13 ноября 1967 г. Формат 70×108₃₂—
3,31 бум. л., 9,27 печ. л., 6,82 изд. л., в т. ч. 1 вкл.
Бум. тип. № 1. МП 07589. Тираж 10 000.

Западно-Сибирское книжное издательство,
Новосибирск, Красный проспект, 3. Заказ № 147.
Типография № 1, Новосибирск, Красный про-
спект, 22.

Цена 85 коп.